

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

ТАНЯ ГРОТТЕР И МАГИЧЕСКИЙ КОНТРАБАС

Таня Гроттер

Дмитрий Емец

**Таня Гроттер и
магический контрабас**

«Емец Д. А.»

2002

Емец Д. А.

Таня Гроттер и магический контрабас / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2002 — (Таня Гроттер)

ISBN 5-699-00880-2

Черная волшебница Чума-дель-Торт, имя которой страшатся даже произносить вслух, стремясь к власти, уничтожает одного за другим светлых волшебников. Среди ее жертв – замечательный белый маг Леопольд Гроттер. Его дочери Тане неведомым образом удастся избежать гибели, но на кончике носа у нее на всю жизнь остается загадочная родинка... Чума-дель-Торт таинственно исчезает, а Таня Гроттер оказывается выброшенной в семью предпринимателя Дурнева, своего дальнего родственника... В этом крайне неприятном семействе она живет до десяти лет, а затем попадает в единственную в мире школу магии Тибидохс...

ISBN 5-699-00880-2

© Емец Д. А., 2002

© Емец Д. А., 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и магический контрабас

(Таня Гроттер #1)

Глава 1

МЛАДЕНЕЦ В ФУТЛЯРЕ

Ярким осенним утром, когда все в мире выглядело пронзительно и до безобразия счастливым, а листва на деревьях сияла, словно была облита сусальным золотом, из подъезда многоэтажного дома на Рублевском шоссе вышел высокий сутулый человек в сером пальто.

Звали его Герман Дурнев, он был директором фирмы «Носки секонд-хенд» и отцом годовой дочери Пипы (сокращенно от Пенелопа).

Остановившись под козырьком подъезда, Дурнев неодобрительно огляделся. Солнце, чья округлая физиономия была плоской как блин, нежилось на соседней крыше, будто ленясь и соображая, стоит ли ему восходить дальше или и так сойдет. На куче листьев недалеко от подъезда полулежала женщина в оранжевом комбинезоне и смотрела в открытый люк. Профиль у нее был правильный, греческих очертаний, а медно-рыжие волосы топорщились так, что невольно заставляли вспомнить о змеях. В люке кто-то бурно возился и громыхал. Надутые воробы клевали что-то на асфальте, бойко, словно резиновые мячи, отскакивая от прохожих.

Из окон и подвалов, с площадей и куцых скверов, с крон деревьев и неба, увешанного мочалками туч, из кошачьих глаз и из женских сумочек, из выхлопных труб автомобилей, с магазинных ценников и все еще обгоревших носов дачников – отовсюду, потирая желтые морковные ладони, глядел совсем юный, недавно родившийся октябрь.

Но Герману Дурневу до всей этой красоты не было никакого дела. Погода и вообще природа интересовали его лишь настолько, чтобы определиться, не взять ли с собой зонтик или не пора ли поставить на автомобиль зимнюю резину с шипами.

Он посмотрел на часы и достал коробочку с гомеопатией.

– Хамство какое-то это солнце! Раз, два... И не доплюнешь ведь до него... Хотя бы оно вообще потухло... Разве в такой день у кого-нибудь может быть рабочий настрой? Пять, шесть... Рано или поздно у меня точно будет язва... Или уже есть... Семь... – пробормотал он, отсчитывая шарики и помещая их себе под язык.

Когда шарики рассосались, Дурнев хорошо задумался и сказал себе:

– Ну вот, теперь я точно доживу до обеда, если от нового мозольного пластыря у меня не случится заражения крови.

Разумеется, Дурнев и не подозревал, что за ним наблюдают. Большая отвратительного вида птица – хмурая, взъерошенная, с длинной облезшей шеей, на которой почти не было перьев, наблюдала за ним с козырька подъезда. В клюве птица держала вырезанную из журнала фотографию, с которой смотрел... да, это был он самый – Герман Дурнев, снятый вместе с женой Нинелью и дочерью Пипой на выставке «Международные подтяжки» на ВВЦ.

Изредка птица опускала фотографию на жестяной лист и принималась въедливо сравнивать настоящего Дурнева с фотографией. При этом из клюва на снимок капали отвратительные зеленоватые комки слизи.

Можно себе представить, как поразился бы Дурнев, если бы случайно поднял голову и взглянул, кто сидит на козырьке подъезда. Однако Герман Никитич был не из тех, кто обращает внимание на птиц, если, разумеется, это не вареная курица, лежащая перед ним на тарелке. К тому же в данный момент изворотливый ум руководителя фирмы «Носки секонд-хенд» был

занят решением вопроса, как растаможить два вагона использованных носовых платков под видом товаров для детей.

Дурнев спустился с крыльца и, наступив на восхитительно яркий желтый лист, несколько раз с явным удовольствием повернулся на каблуке. Сделав это, он уже совершенно равнодушно миновал множество других листьев и сел в новую черную машину. Машина зафырчала и тронулась. Птица с голой шеей тяжело сорвалась с козырька и полетела следом за машиной, явно не собираясь терять ее из виду.

* * *

Сидящая на газоне женщина, о которой Дурнев мельком подумал как о ремонтнице, проводила птицу пронзительным взглядом и пробормотала себе под нос:

– Хотела бы я знать, что тут делает Мертвый Гриф? Последний раз я встречала его, когда спускали на воду «Титаник». Не помню, что там случилось с этим пароходом, но наверняка были какие-то неприятности.

Она вскинула руку, на среднем пальце которой было сверкающее кольцо, и негромко шепнула:

– Искрис фронтис!

В тот же миг из кольца вырвалась зеленая искра и опалила птице крыло. Теряя перья, Мертвый Гриф камнем рухнул на асфальт, что-то хрипло прокричал и, снова взлетев, метнулся за ближайший дом.

Загадочная особа подула на раскалившееся кольцо.

– Ненавижу этих живых мертвецов. Их невозможно убить во второй раз. Лучше уж иметь дело просто с нежитью, – проворчала она.

Тем временем в люке снова что-то со страшным грохотом обрушилось. Плеснула вода.

– А-а-пчч! – донеслось из люка так оглушительно, что крышка даже подскочила.

Забыв о птице, ремонтница – если, разумеется, это была ремонтница – озабоченно склонилась над люком:

– Академик, вы простудитесь! Умоляю, наденьте хотя бы шарф!

– Медузия, не чуди! Водолазам шарф не поможет! – немедленно отозвался голос.

Но женщину это ничуть не успокоило.

– Клянусь волосом Древнира, это ни в какие ворота не лезет! Представить только, сам академик Белой магии, глава школы волшебства Тибидохс, Сарданапал Черноморов вынужден снимать простейшие заклятия нежити! Где, позвольте спросить, наши младшие волшебники, где ассистенты? – строго поджав губы, спросила она.

Громыхания в люке прекратились. На поверхность поднялся маленький румяный толстячок, одетый в оранжевую спецовку, с которой стекала вода... Нет, простите, совсем не в спецовку, а в мантию. Спецовой она могла показаться только не очень внимательному наблюдателю, и то на первый взгляд. Точно такая же оранжевая мантия была и на его спутнице.

– А-а-пчч!.. Медузия! Все это, право, такая ерунда, что не стоит никого утруждать!.. А-а-пчч! Без практики я в два года стал бы беспомощным кабинетным магом. Мало ли среди нас лентяев, которые и в свинью не могут превратиться без кольца? Не говоря уже о высших дисциплинах, таких, как теоретическая магия, левитация, защита от сглаза или изготовление талисманов.

Приведя этот убийственный, на его взгляд, довод, академик Сарданапал приподнялся на цыпочки и жизнерадостно огляделся. Правый ус у него был зеленым, а левый желтым. Но самым странным было даже не это, а то, что усы ни секунды не пребывали в состоянии покоя. Они то извивались, как две живые веревки, то сплетались, то норовили обвить дужки очков

и дернуть их у толстячка с носа. Правда, сделать это было не так-то просто, поскольку очки явно держались не столько на дужках, давно разболтавшихся, сколько на особом заклинании.

Что касается бороды академика, то цвет ее был вообще неопределим, поскольку она то появлялась, то исчезала. Наверняка можно было сказать только одно – борода была феноменально длинной, настолько длинной, что ее пришлось многократно обмотать вокруг туловища, а конец спрятать в карман.

Заметив наконец, что его мантия промокла, глава школы волшебства пробормотал:

– Первачус барабанус!

От одежды повалил пар, и уже несколько мгновений спустя она совершенно высохла.

– Ах, какой чудный осенний денек! – воскликнул Сарданапал, поворачиваясь к своей спутнице. – Он похож на тот день, когда мне впервые отрубили голову! Вы согласны со мной, Медузия?

Преподавательница нежитеведения, доцент Медузия Горгонова, поморщившись, провела пальцами по своей шее.

– Уф! От лопухоидов можно ждать только гадостей... Мне тоже отрубили голову. Невоздержанный тип в крылатых сандалиях, пялившийся в собственный щит. Тогда я была дурно воспитанной колдуньей с кошмарными привычками, и только вы, академик, меня перевоспитали, – сказала она.

Усы Сарданапала польщенно дрогнули.

– Перестань, сколько раз можно благодарить! Приклеить тебе голову было сущим пустяком! Для этого не пришлось даже прибегать к серьезной магии, вполне хватило простенького штопочного заклинания. Ну а то, что ты отказалась от прежних привычек, – честь тебе и хвала! Моя заслуга была... кгхм... минимальной... кгхм...

– Как вы можете так говорить! – воскликнула Медузия. – Я же превращала путников в изваяния! Любой, кто смотрел на меня, мгновенно становился камнем!

– Ерунда, не вспоминай об этом! Ты была совсем молоденькой девчонкой, комплексующей из-за прыщей, вот и заколдовывала тех бедолаг, которые тебя случайно увидели. Откровенно говоря, я тебя прекрасно понимаю: эти древние греки всюду совали свой любопытный нос. Ты даже на остров удалилась подальше от их глаз, а они все равно шлялись поблизости, размахивая мечами. Все, что мне потребовалось, это вылечить тебя от прыщей. И какой красавицей стала! Даже Бессмертник Кощеев и тот постоянно краснеет, когда прилетает в Тибидохс на скелете своего верного коня...

– Скверный старикашка! Сорок килограммов посеребренных костей, золотая черепушка, янтарные зубы – и все это в латах от Пако Гробанн! – нахмурилась Медузия.

– Но ты не будешь спорить, что он в тебя влюблен! Доцент Горгонова смущенно зарделась. Красные пятна, вспыхнувшие вдруг в разных местах на ее щеках, чем-то походили на вишни.

– Сарданапал! Я же просила! – укоризненно воскликнула она.

Усы академика Белой магии виновато дрогнули.

– Проклятое ехидство! После того, как я случайно выпил настойку с ядом гарпий, никак не могу от него избавиться. Пробовал и печень дракона, и полстакана зеленки с каплей желчи василиска утром и перед сном – ничего не помогает! – пожаловался он.

– Не извиняйтесь, я не обиделась. Просто не люблю, когда при мне произносят это имя... – смягчилась Медузия. – Скажите лучше вот что: неужели мы с вами тащились сюда из самого Тибидохса затем только, чтобы расколдовать этот занюханный люк, который втягивает у прохожих ключи и монетки? Только не лукавьте. Мы же знаем друг друга уже три тысячи лет...

Сарданапал укоризненно посмотрел на свою спутницу и высморкался в гигантский платок со звездами, который загадочным образом возник вдруг у него в руке. Звезды на платке

перемигивались и складывались в причудливые созвездия, причем созвездие Жертвенника пыталось обчихать созвездие Стрельца метеоритами.

– Медузия, ты рассуждаешь как волшебница. Поставь себя на место обычного человека. Ключи – это не дребедень. Человек, лишившийся ключей, имеет реальный шанс заночевать на лавочке и подхватить насморк... Вот как я, например.

– Ваш насморк оттого, что вы не надели шарф, когда мы летели над океаном... А нужды лопухоидов меня волнуют очень мало. В их мире полно заколдованных люков, взбесившихся турникетов и самозахлопывающихся подвалов. Нежить не сидит сложа руки. Едва мы уйдем, на этот люк вновь наложат заклятие. И мы ничего не сможем с этим поделать.

Видя, что его спутница начинает сердиться, академик Сарданапал легонько подул на платок, и тот растаял у него в ладони, предварительно превратившись в синюю мочалку.

– Прости, Медузия. С недавних пор я подозреваю, что мое чувство юмора тоже кто-то заколдовал. Не исключаю, что его сглазили таджикские джинны, которым я запретил устраивать пыльные бури... М-м... Ты видела человека, который только что вышел из подъезда?

– Видела. Но каким образом вы сумели? Я хочу сказать, вы же были под землей!

Сарданапал загадочно улыбнулся:

– О, если я захочу что-то увидеть, несколько метров асфальта мне не помешают. И что ты о нем думаешь?

– Крайне неприятный тип... Бр-р... Даже от лопухоида обычно ожидаешь большего.

– Ну-ну, Медузия, не будь такой суровой. Хотя бы из уважения к памяти Леопольда Гроттера.

– ЛЕОПОЛЬДА ГРОТТЕРА? Он его знал? – пораженно воскликнула Медузия.

Сарданапал кивнул.

– Более чем. Он его родственник. И даже довольно близкий – всего-навсего троюродный племянник сестры его бабушки. Разумеется, для лопухоидов такое родство – седьмая вода на киселе, но мы-то с тобой знаем формулу магородства Астрокактуса Параноидального!

– Он родственник Гроттера! Так вот почему мы...

– Тиш! – Академик внезапно поднес палец к губам, приказывая Медузии замолчать. Оба его уса разом напряжились и указали на канализационный люк.

Кивнув, Медузия бесшумно подкралась к люку и, присев на корточки, резко просунула туда руку. В ту же секунду из колодца послышался противный визг.

– Есть! Схватила! А ну стой! – крикнула преподавательница нежитеведения.

Когда рука Медузии вновь показалась на поверхности, ее пальцы крепко вцепились в ухо маленькой дамочки с бугристым фиолетовым носом и зелеными волосами. Ступни у шипящей дамочки были престранные – плоские и весьма смахивающие на ласты. Пленница шипела, плевалась, щелкала треугольными зубами и пыталась лягнуть Горгонову то правой ластой, то левой, а то и обеими поочередно.

– Убьюга на местюга! А ну отпущуги кому говорюги! Напустюги заклююги! Тьфуги на тыги! И на тыги тьфуги! – яростно выкрикивала она.

– Ишь ты – кикиморка! Любопытный экземплярчик, довольно крупный... – с интересом разглядывая пойманную Медузией дичь, прокомментировал Черноморов.

– Опять эта нежить! – брезгливо поморщилась Медузия. – Порой я начинаю сомневаться, что Та-Кого-Нет действительно исчезла. То кто-то подослал Мертвого Грифа, а теперь вот это страшилище... А ну не трепыхайся!

– А-а-а! Сама страшилиюга! Отпущуги сволочуги! Моя свои делуги проходуги! Нужнуги вы мнуги рвануги штануги! Тьфуги на тыги! – визжала кикиморка, не оставляя попыток пнуть Медузию ластой. Той приходилось удерживать ее на расстоянии вытянутой руки, что было непросто, так как кикиморка была довольно упитанная.

– Перестань голосить! Кто тебя подослал? Говори! – строго потребовала Медузия.

– Ничевуги не скажу ги! Глупуга ведьму га! Сейчас как сделугу тебе проклянугу! Сыграешь в гробугу! – гневно пропищала кикиморка, пытаясь сопроводить свои слова прицельным плевком.

Горгонова сурово зыркнула на кикиморку своими пронзительными глазами.

– Попробуй! – сказала она с угрозой.

– Очнюга ты мне нужнуга! – мгновенно передумала хитрая кикиморка и жалобно зашепелявила, что она несчастная сирота и что ее, сироту, всякий может обидеть.

– Ага, обидишь тебя, сиротинушку! – хмыкнул Сарданапал. Академик сделал вид, что хочет поднести палец ко рту кикиморки, и тотчас ее острые треугольные зубы щелкнули, точно капкан. Не отдерни Сарданапал руку, у него стало бы одним пальцем меньше.

– Она ничего не расскажет. Я знаю этот народец. А что она не по своим делам тут шастала, так это точно. Может, заспиртуем ее для музея, чтобы никому не проболталась? – предложила преподавательница нежитеведения, энергично встряхивая кикиморку за ухо.

– А-а-а-а! Не хочу га в спиртуга! Я буду молчуга! Буду самая тихая тихуга! – пронзительно заорала кикиморка.

– Не стоит, Медузия. Помещать ее в банку совершенно необязательно. Я сделаю так, что она все забудет. – С ловкостью, которой сложно было ожидать от неповоротливого флегматика с круглым брюшком, Сарданапал схватил кикиморку за ласту и, подув ей в ухо, вполголоса произнес:

– Склеротикус маразматикус! Полниссимо дебилиссимо!

После этого он хладнокровно разжал пальцы, уронив шпионку в траву. Некоторое время зеленая дамочка очумело трясла головой, явно находясь в сильном замешательстве. На Сарданапала и Медузию она смотрела тупо и без любопытства. Сделав несколько заплетающихся шагов по газону, кикиморка слегка опомнилась, презрительно фыркнула и, вразвалку подойдя к люку, прыгнула туда солдатиком. Из люка выбрызнул небольшой фонтанчик воды, раздалось несколько нехороших слов – и все стихло.

– Уплыла, – сказал Сарданапал, указывая зеленым усом направление.

– Ужасно надоела вся эта нежить. Давно пора наложить на нее заклятие, чтобы не совалась к лопухоидам. Однажды она нарушит равновесие сил, и тогда нам всем придется плохо. – Медузия озабоченно прищелкнула языком.

Сарданапал легкомысленно отмахнулся:

– Ерунда, Медузия. Ты, как всегда, преувеличиваешь. Нежить – это бестолковая сила, возникшая из хаоса и частично сохранившаяся со времен язычества. Да, нежити много, в десятки раз больше, чем нас, магов – белых и черных, но она никогда не была в состоянии договориться между собой. Сколько я себя помню, нежить всегда нарушала запреты, устраивала лопухоидам пакости и расшатывала равновесие. Но пока цел волос Древнира и стоят Ворота, нашему миру ничто не угрожает. Даже со стороны темных магов, которых мы никак не выкурим из Тибидохса.

– А как же Та-Кого-Нет?

– Согласен, она была единственной, кто сумел организовать нежить и натравить ее на нас. Более того, ей почти удалось заставить нас, магов, сдать ей свои позиции. Если бы не Леопольд Гроттер и не его новорожденная дочь...

– Не только Гроттер. Вы никогда не боялись ее, академик! Даже когда она была в силе!

Сарданапал застенчиво порозовел:

– О, разумеется! Я всегда готов произнести во всеуслышание ее истинное имя – Чумадель-Торт! Видите? ЧУМА-ДЕЛЬ-ТОРТ! И ничего страшного!

Не успел зычный голос академика замереть в сдвинутом лабиринте многоэтажек, как стекло лоджии на третьем этаже брызнуло осколками и оттуда, подхлестывая себя шнуром, вылетел поблескивающий утюг. Со свистом рассекая воздух, он понесся точно Сарданапалу

в голову. Подобрав полы мантии, академик резво отпрыгнул и что-то пробормотал. В тот же миг утюг обратился в пар.

– Видели? Та-Кого-Нет хотела вас убить! – испуганно воскликнула Медузия.

– Пустяки. Самой тетки Чумы уже нет... Просто сработало одно из старых заклинаний. Она их тысячами повсюду разбрасывала. – Сарданапал улыбнулся и наступил на уцелевшую вилку, попытавшуюся обвить его ногу своим шнуром.

Медузия передернулась от омерзения. В ее тонкой руке неведомым образом возник лорнет, в который она разглядывала части уничтоженного утюга.

– Какая мерзость! Очередное гадкое изобретение лопухоидов... Идемте отсюда! Здесь нам больше делать нечего.

Черноморов покачал головой:

– А вот тут ты ошибаешься. Пришла пора выполнить самую неприятную и тяжелую часть нашей миссии. Я начал об этом говорить, но нам помешали. Мы должны... как это нам ни тяжело... оставить Таню человеку, которого вы недавно видели.

Медузия Горгонова отпрянула. Ее медно-рыжие волосы, и без того растрепанные, встали вдруг дыбом и зашипели. Случайный человек, не знавший, что Медузия давно завязала со своим прошлым, мог бы поклясться, что только что видел клубок извивающихся змей.

– КАК?! Я не ослышалась? Вы хотите отдать дочь Леопольда Гроттера этому жалкому лопухоиду? Девочку, неведомым образом уцелевшую в схватке с Той-Кого-Нет? Девочку, после встречи с которой Та-Кого-Нет пропала?

Уловив в голосе Медузии гневные нотки, академик торопливо отвернулся, чтобы случайно не взглянуть ей в глаза. Отвести древнюю магию можно, но она имеет побочные действия.

– Медузия, у нас нет другого выхода, – сказал он мягко. – Мы просто не можем поступить иначе. Клянусь волосом Древнира, я скорее позволил бы сбрить себе усы и обкорнать бороду, чем отдал бы дочь Гроттера этому лопухоиду, но... мы должны, мы просто обязаны сделать это для блага всего Тибидохса.

– Но почему? – воскликнула Медузия. – Почему?

Величайший из магов опустился на кучу листьев и вытянул ноги в старомодных вылинявших чулках. Последний раз он был в человеческом мире во времена Екатерины II и теперь, постаравшись одеться по моде, малость промахнулся.

– Я расскажу тебе, как все было той ночью. Ты помнишь, три дня назад, когда все случилось, разразилась ужасная гроза...

– ...явно магического происхождения. Мы даже не знаем толком, кто ее наслал, – добавила Медузия.

– Именно. В ту ночь ко мне в окно главной башни Тибидохса, где, как ты знаешь, расположена моя алхимическая лаборатория, влетел насквозь мокрый, дрожащий купидончик в красных подтяжках... – сообщил Сарданапал.

Его усы немедленно сложились в два сердечка. Им нравилось слегка насолить хозяину. Скрывая улыбку, доцент Горгонова облизала губы.

– Купидон? К вам? Но ведь купидон – это амур, а амур...

Усы обиженно встопорщились. Правый попытался даже щелкнуть Медузию по носу, но не достал.

– Мне не надо объяснять, кто такие купидоны, – сухо произнес Сарданапал. – Я не спутаю их ни с гарпиями, ни с домовыми, ни с членами команды Тибидохса по драконболу. Да будет тебе известно, цель его визита была далека от романтической. В наш скучный век в любви все чаще объясняются по телефону. Стрелы амура уже больше никого не прошибают – кожа стала больно толстой, вот беднягам купидонам и приходится заниматься разноской почты. Должны

же они как-то зарабатывать себе на нектар и амброзию? Так вот, купидончик выжал свои мокрые подтяжки и вручил мне письмо от Леопольда Гроттера.

– Последнее письмо Гроттера! – воскликнула Медузия. Ее ирония мгновенно улетучилась. – Но вы же никогда никому...

Усы Сарданапала заметались со скоростью автомобильных дворников, показывая, что это строжайший секрет.

– Разумеется, никому. И вы скоро поймете почему. Правду должны знать лишь те, кому я абсолютно верю. Я отправил купидончика согреться в русскую баньку – признаться, я даже рад, что циклопы устроили ее у нас в подвале (хотя когда-нибудь их парная, безусловно, рванет), – а сам немедленно стал читать письмо. Оно было очень лаконичным: Гроттер сообщал, что после множества неудач ему удалось наконец получить Талисман Четырех Стихий.

Зрачки у Медузии сузились. Она тревожно оглянулась на люк, проверяя, не лезет ли из него любопытная бугристая физиономия.

– Скорее всего я сошла с ума, – ошеломленно пробормотала она. – Талисман Четырех Стихий, заключающий в себе силы огня, воздуха, земли и воды! Талисман, дающий тому, кто его носит, огромную силу... Пожалуй, тот, кто владеет талисманом, мог бы бросить вызов самой... Той-Кого...

– Да, Чуме-дель-Торт, – отважно уточнил Сарданапал, невольно взглядывая наверх: не просвистит ли еще один утюг. – Гроттер писал: чтобы получить талисман, он использовал сто сорок семь разных составляющих, среди которых, как я полагаю, обязательно должны были присутствовать сердолик и мышинные слезы... Ну а тайну всего остального он унес с собой в могилу...

– А его талисман? Он у вас? – взволнованно спросила Медузия.

– Талисман пропал. Исчез самым невероятным образом. Но ты не дослушала... Едва дождавшись окончания грозы, я сел на реактивный диван и полетел к Леопольду Гроттеру.

– Вы полетели на реактивном диване? Черноморов смутился. Впрочем, нельзя сказать, чтобы очень.

– Да, я понимаю, что ты хочешь сказать: кто-то из учеников, особенно из «темных», мог меня увидеть и поднять на смех. Еще бы: академик, лауреат премии Волшебных Подтяжек, глава легендарного Тибидохса летит на драном диване с ошипанными куриными крыльшками... Диване, из которого торчат медные пружины... Было уже поздно, и меня никто не видел... Да и откуда? Разве кто-то стал бы выглядывать в окно, услышав всего-навсего небольшой грохот... М-м... Я почти даже и не врезался в витраж Зала Двух Стихий, а если стекло и осыпалось, то от времени... Все-таки ему было семьсот лет...

«Кошмар! А я думала, что витраж разбило молнией!» – подумала Медузия.

– Вначале я хотел воспользоваться ковром-самолетом, но отправляться на ковре в такую сырость было бы транжирством: его погрызла бы моль. И потом, реактивный диван почти в полтора раза быстрее... Ну а про сапоги-скороходы я вообще не говорю. С тех пор, как их сглазили, точность приземления у них почти двадцать верст... О, конечно, я мог бы взять швабру с пропеллером или летающий пылесос, но вы отлично знаете, что они неудобны. Во время долгих перелетов на них затекает спина, а отсутствие багажника мешает захватить с собой даже самый мало-мальский груз.

Преподавательница нежитеведения тихонько вздохнула. К чудачествам академика Сарданапала в Тибидохсе давно уже привыкли. Он вполне мог, перепутав эпохи, заявиться на занятия в римской тоге или воспламенить по ошибке чью-нибудь ушную серу, перепутав ее с серой химической. А что стоит тот случай с гостем с Лысой горы, когда академик погрузил его в трехмесячный сон, прочитав ему случайно вместо приветственной речи заклинание зимней спячки сусликов? Но что ни говори, а все же он был величайшим волшебником после Древнира.

– Вы слушаете меня, Медузия? По-моему, вы отвлеклись! – Академик укоризненно взглянул на свою спутницу, а та, встревожившись, запоздало сообразила, что забыла защитить свои мысли охранным заклинанием.

Когда имеешь дело с могучим магом, нельзя упускать из внимания никаких мелочей.

– Итак, я летел к Леопольду, – продолжал Сарданапал. – Ветер был попутный, так что на дорогу ушло не более трех часов. Еще не добравшись до места, я обнаружил, что вокруг его дома во множестве толпится нежить. Вела она себя престранно – бормотала что-то, пыхтела, ходила кругами и вообще была какая-то пришибленная. Заметив меня, нежить за считанные минуты рассосалась. Вы же знаете этих существ: то их много, то вдруг разом никого нет...

– И никто даже не попытался напасть? – удивилась Медузия.

– Абсолютно. Я глазам своим не поверил. Столько нежити в одном месте могла собрать только Чума-дель-Торт, но она бы уж точно не упустила шанса свести со мной счеты. Вот загадка – еще совсем недавно нежить готова была разорвать нас в клочья, а теперь мы для нее словно не существуем... Занялась своими мелкими дрязгами.

– И тогда вы догадались, что Та-Кого-Нет исчезла?

– Ну не совсем еще догадался, но уже задумался. Я подошел к дому Леопольда, постучал – в ответ ни звука. Тогда я толкнул дверь, и она открылась. Даже не открылась, а просто упала от одного прикосновения. В доме все было перевернуто кверху дном. Внутренние стены обрушились, перила обуглились, от мебели остались лишь щепки. Похоже, кто-то, наделенный чудовищной магической силой, произнес заклинание полного уничтожения. Я кинулся в лабораторию. Она пострадала больше всего. Даже гранитный валун, служивший Леопольду столом для опытов, осыпался в порошок, едва я к нему прикоснулся... – Голос Сарданапала дрогнул. – Гроттер и его жена Софья... им уже никак нельзя было помочь. Даже я не мог, хотя, как вы знаете, Медузия, я слегка соображаю в магии. Но вот чудо – посреди лаборатории, на выщербленном заклинаниями полу, среди осыпавшейся штукатурки лежал футляр от контрабаса, а в нем – крошечная девочка, их дочь... Мы же хорошо знали Гроттеров, Медузия, Они были люди искусства, маги высоких материй. Волшебство и музыка – вот ради чего они жили. Для ребенка у них не было даже коляски, он вполне обходился футляром от контрабаса. Испугавшись, что девочка тоже мертва, я наклонился над футляром, и – о чудо! – она безмятежно спала, а в ладони у нее был зажат серебряный скорпион Чумы-дель-Торт...

Медузия резко выпрямилась. Медно-рыжие ее волосы вновь зашипели змеями.

– Как? Тот самый скорпион-убийца, которого Та-Кого-Нет подсылала жалить своих жертв, когда хотела насладиться их мучениями?

– Да. Но девочке он не смог повредить, хотя на кончике носа у нее я заметил два красных пятнышка. Похоже, скорпион ужалил ее прямо в родинку. Даже легкого укуса обычно хватало, чтобы убить взрослого волшебника... А она, эта малютка, его попросту раздавила. Годовалая девочка управилась с серебряным скорпионом, даже не проснувшись.

– Все-таки невероятно, что она выжила. А если скорпион изжил свой яд? Или использовал его раньше? – с недоверием спросила Горгонова.

– Нет, яда было достаточно. А старых скорпионов Чума-дель-Торт не держала. Но даже если забыть о скорпионе, остается другое: заклинание полного уничтожения – эта грозная белая вспышка, которая выжигает все кругом, – также не смогло причинить Тане никакого вреда. А ведь этот вид магии не из тех, что направляют выборочно. Он разносит всё и всех, кто окажется поблизости, за исключением того, кто произнес заклинание.

По щеке Медузии прокатилась слеза и упала на кучу кленовых листьев. Листья задымались. Неизвестный народный сказитель, впервые назвавший женские слезы горячими, похоже, был знаком с кем-то из волшебниц.

– Несчастные Гроттеры! А что же Талисман Четырех Стихий? – всхлипнула Медузия.

– Я так и не сумел его обнаружить, – сказал Сарданапал. – Его не было ни у Леопольда, ни у его жены Софьи, ни у ребенка... Не было нигде в доме. Скорее всего он был уничтожен заклинанием вместе со всеми остальными изобретениями Гроттера. Вначале я, правда, подозревал, что его унесла Чума-дель-Торт, но, если бы это случилось, мы бы уже об этом знали. Нет, она точно исчезла, и странное поведение нежити – тому лучшее подтверждение. Не знаю, что случилось в доме Гроттеров, но эта крохотная девочка сделала то, чего не смог сделать ни один волшебник... Она остановила Ту-Кого-Нет...

Только теперь обнаружив горящие листья у себя под ногами, Медузия произнесла короткое заклинание, сопроводив его знаком, который ее магическое кольцо начертало прямо по воздуху. Огонь погас. Начертанный Медузией знак еще некоторое время, слабо колеблясь, висел в воздухе. Горгонова раздраженно стерла его ладонью.

– Но почему вы хотите отдать девочку Дурневу? Зачем посылать ее в мир к лопухоидам? Что нам стоит вырастить ее в Тибидохсе? – с досадой спросила она.

– Медузия, ты забыла, что за место Тибидохс? Уж кому-кому, а ребенку там делать совершенно нечего. Только представь себе, Тибидохс – и вдруг ребенок?

. А если выплывет Безглазый Ужас? Или, скажем, Пельменник упустит свое Гробовое Покрывало, и оно, как в прошлый раз, будет подкарауливать припозднившихся учеников на темных лестницах? А циклопы, буйствующие каждое полнолуние? А Раздирало, которого, кстати, ты совершенно напрасно вытащила из раскаленной пещеры в сердцевине Земли, где он был заточен.

– Он обещал, что бросит все свои привычки и будет у нас привратником. Вы же сами знаете, что на циклопов сложно положиться. У этих тупиц голова как сито, – оправдываясь, сказала Медузия. – А потом... ну вы сами знаете, что потом...

– Вот именно... По коридорам Тибидохса ходит невидимый Раздирало, воет, хрипит и творит что придется, а мы даже не можем его поймать, потому что он может отразиться только в Зеркале Судеб, но туда-то он и носа не показывает! – сердито крикнул Сарданапал. – И ты хочешь, чтобы я отдал в Тибидохс дочь Гроттера?

– Но я могу наложить охранные заклęcia! Мощнейшие охранные заклęcia, через которые не перешагнут ни Раздирало, ни Карачун, ни Деревянная Баба, ни Безглазый Ужас. А пустая Инвалидная Коляска и летающее Гробовое Покрывало – это же вообще мелочи. Они способны причинить вред только новичку, не знающему отгоняющего заклинания... – с презрением сказала Медузия.

– А новорожденная девочка, по-твоему, способна его произнести?

– Нет, не способна. Но, Сарданапал, мы же можем наконец искупать ее в Отводящей Ванне, и тогда...

Академик Белой магии перебил ее:

– Да, согласен. Можем. Гробовое Покрывало – это мелочь. Коляска – тоже. Замораживающие Капканы и Статуи-душители тоже, пожалуй, ерунда. А Безымянный Подвал? Ну а Исчезающий Этаж тоже мелочь? Мы до сих пор не знаем, что стало с теми двумя балбесами, которых угораздило туда пробраться. И наконец, что ты скажешь о Жутких Воротах?

Медузия вздрогнула.

– Вы правы, Сарданапал, – сказала она убито. – О Безымянном Подвале и о Жутких Воротах я не вспомнила... Но это же дочь Гроттера! Девочка, которая сумела пережить встречу с Той-Кого-Нет и выдержать...

Академик перебил ее:

– Мы не знаем, как ей это удалось, но знаем, чего это стоило Леопольду и Софье. И снова подвергать девочку опасности... Кроме этого... – тут Сарданапал сделал длинную паузу, – существует еще одна причина... Крайне важная, по которой Таня никак не может находиться в Тибидохсе. Во всяком случае, как можно дольше не должна там появиться...

– Какая причина?! – горячо воскликнула Медузия. Сарданапал укоризненно посмотрел на нее.

– Пока я не могу тебе рассказать, хотя доверяю тебе больше, чем кому-либо. Но это та самая причина, по которой Гроттер не остался жить в Тибидохсе, а увез Софью и ребенка в такую глушь, где, кроме болотных кикимор, оборотней и нежити, никого и не встретишь. И это Гроттер – с его столичным образованием, прекрасными манерами и привычкой к ежедневному музицированию. Понимаешь, Медузия?

Доцент Горгонова уныло кивнула, осознав, что причина, загнавшая Гроттера в глушь и заставившая его покинуть Тибидохс в расцвете карьеры, должна была быть очень весомой.

– Итак, решено... Сегодня же ночью мы вернемся сюда с ребенком и подбросим его Герману Дурневу и его жене. Не может быть, чтобы вид бедной сироты не тронул их сердца... Пускай воспитывают вместе со своей собственной дочерью. Девочки ровесницы, им будет веселее вместе. Идем, Медузия. Нам пора! А-а-а-пчч! – Внезапно академик чихнул так оглушительно, что с его платка разом сдуло все созвездия, а телефонная будка, стоявшая у дома, с грохотом завалилась набок.

– Я же говорила: вы простудитесь! – укоризненно сказала Медузия.

– Ерунда! – рассердился Сарданапал. – Перестань следить за моим здоровьем! Тот, кому три раза отрубали голову, может не страшиться банальных насморк... Пччч!

Академик Белой магии запахнулся в оранжевую мантию и, решительно наступая себе на бороду, направился мимо домов к небольшому скверу. Его беспокойные усы делали отмашку в такт шагам: раз-два, раз-два. Медузия направилась за ним.

Множество прохожих, наполнявших в тот час улицу и спешивших по своим делам, обращали на них очень мало внимания. Да и что должно было привлечь их любопытство, когда они видели лишь косматую дворнягу и чуть поодаль тонкую изящную борзую с длинной мордой? Для опытных волшебников не составляло труда состряпать парочку отводящих заклинаний.

Сделав шагов тридцать, академик Сарданапал неловко подпрыгнул, прицелкнул в воздухе коленками и, буркнув заклинание, растворился в воздухе. Медузия в отличие от своего учителя не обладала способностью к мгновенным исчезновениям из человеческого мира. Она дошла до сквера и извлекла из кустарника детскую лошадку-качалку, расписанную хохломскими узорами. Проверив, на месте ли все двенадцать талисманов, без которых лошадка попросту не взлетела бы, она с трудом взгромоздилась на нее и, круто взмыв, исчезла среди кучевых облаков.

Любопытно было то, что даже на смешной детской лошадке доцент Горгонова ухитрилась выглядеть величественно и смотреть перед собой коршуном. Попадись ей где-нибудь на пути Мертвый Гриф, бедняге не поздоровилось бы. Впрочем, он и так был уже мертв, так что особенно терять ему было нечего.

Солнце лениво зевнуло и поднялось с крыш. Необычный день продолжался.

* * *

У Германа Дурнева было сто семнадцать плохих настроений. Если первое настроение можно было охарактеризовать как слегка плохое, то последнее, сто семнадцатое, равнялось хорошему восьмибалльному шторму. Именно в этом сто семнадцатом скверном настроении руководитель фирмы «Носки секонд-хенд» и возвращался в тот день домой. В дороге ему постоянно мерещилось, что другие машины движутся слишком медленно, и он то и дело начинал стучать ладонью по гудку.

При этом дважды ему мерещилось, что звук гудка слишком тихий, и тогда, высовывая голову из окна машины, он орал:

– Эй, чего тащитесь? Объезжай его, объезжай! Мне что, выйти и наkostenить? До инфаркта хотите довести больного человека?

Больным человеком Дурнев, разумеется, считал себя.

Основной причиной, по которой настроение Германа Никитича так резко испортилось, было ощущение, что его преследуют и над ним потешаются какие-то странные и таинственные силы. Все началось с самого утра, когда он только отправился на работу. Еще по дороге в багажнике машины что-то начало сильно гроыхать, так гроыхать, что машина даже подсакивала, а когда он вышел посмотреть, то оказалось, что в багажнике ничего нет. Когда же Дурнев вернулся за руль, то обнаружил, что к лобовому стеклу автомобиля приклеился его собственный портрет из журнала. Причем выглядело это так, будто размокшую в луже страничку бросило на стекло ветром...

Директор так переволновался, что, когда отдирает свой портрет, пальцы его дрожали, и он нечаянно оторвал от фотографии часть своей головы вместе с ухом. Усмотрев в этом скверное для себя предзнаменование, Герман Никитич проглотил сразу тридцать таблеток «Успокоя» и запил их бутылочкой валерьянки.

Когда же он все-таки прибыл в офис, то обнаружил, что мусорная корзина в его кабинете перевернута, а весь мусор из нее бесцеремонно вытряхнут на ковер. И не просто вытряхнут, но и пропитан чем-то вонючим. Рассвирепевший Дурнев немедленно уволил уборщицу, хотя та и клялась, что не заходила еще в его кабинет.

Открыв же сейф, чтобы взять печать, он узрел там бледный гриб на тонкой ножке, который, когда Герман Никитич протянул к нему руку, растекся по бумагам липкой нестирающейся слизью. После этого случая Дурнев рухнул в кресло и долго сидел в нем, потев и отбивая зубами мелкую дробь.

– Двадцать пять... двадцать шесть... я совсем не нервничаю... Чего ты на меня уставился? Марш работать! Разве я не просил вывести мне прайс на старые зубные щетки? – заорал он на робко заглянувшего сотрудника.

Несчастный сотрудник скользнул в свой крошечный кабинетик, где пахло съеденными молью свитерами и изношенными джинсами, и, рухнув на стул, едва не умер от ужаса.

Нечего и объяснять, что к вечеру Дурнев был совсем на взводе.

– Налей мне чего-нибудь выпить... Вот увидишь, в ближайшее время произойдет нечто скверное! – простонал он, едва оказавшись дома.

В отличие от офиса, буквально забитого уцененным барахлом и ношенными вещами от пола до потолка, в доме у самого Дурнева все было совершенно новое.

Жена Германа Никитича – Нинель – была настолько же толстой, насколько ее супруг был худ. Когда она спала, то ее смявшиеся щеки расплзались по подушке, а тело, накрытое одеялом, походило на снежную гору, с которой можно было съезжать на лыжах.

– Ах, Германчик, ты все выдумываешь! Не переживай так! Ты весь зелененький, как новогодняя елка! Дай-ка я поцелую тебя в щечку! – проворковала Нинель сочным басом, ободоряюще хлопывая мужа по тщедушной спине унизанной кольцами рукой.

– Тьфу! Брось эти нежности! – буркнул Герман Никитич. Однако его скверное настроение немного рассеялось, перескочив с номера сто семнадцатого на шестьдесят шестой, а потом и на пятидесятый.

После ужина Дурнев повеселел настолько, что у него появилось желание пообщаться со своей годовалой дочерью. Пенелопа, или Пипа, как нежно звали ее родители, унаследовала от мамы сдвинутые бровки и фигурку чемоданчиком, а от папы глазки в кучку, оттопыривающиеся уши и редкие белесые волосы. Разумеется, Дурневы души в ней не чаяли и считали свою Пипу первой красавицей в мире.

Наследница рода Дурневых сидела в манеже и сосредоточенно разламывала куклу. Три обезглавленных пупса уже валялись на полу, а их головы были насажены на украшавшие манеж штырьки от погремушек.

– Какая умничка! Директором будет, как папуля! – умилился Дурнев.

Он наклонился над манежем и сделал попытку поцеловать Пипу в макушку. Дочь правой рукой ухватила папу за волосы, а левой с зажатой в ней пластмассовой лопатой стала перепиливать папе шею, явно собираясь сотворить с ним то же самое, что и с куклами.

– Лапочка! Чудный ребенок! – пропыхтел папуля.

Он с трудом высвободил свои волосы и на всякий случай отошел подальше от манежа, где до него было не достать и не доплюнуть. Пипа с силой метнула лопату ему вслед, но попала всего лишь в вазочку на телевизоре, немедленно, с величайшей готовностью брызнувшую осколками.

– Ой, какая сильная у нас дочурка! Какая меткая! – восторженно взвизгнула Нинель.

– Осторожно... Она снимает ботинок! – предупредил Дурнев, на всякий случай закрывая голову руками, чтобы увернуться от этого довольно тяжелого снаряда.

В этот миг в квартиру вдруг позвонили. Звонки, обычно ехидно пищавший, издал теперь громкую, почти торжествующую трель. Дурнев и его супруга разом вздрогнули.

– Ты кого-нибудь ждешь, крысик? – спросила Нинель.

– Нет, никого. А ты?

– И я никого... – ответила Нинель, вслед за Германом пробираясь к «глазку».

Пипа метнула им вслед ботинок, но шнурок захлестнулся у нее вокруг кисти, и ботинок, отскочив, ударил ее по носу. Пипа заревела, как паровозная сирена.

Тем временем Герман выглянул в «глазок». В «глазке» никого не было видно, хотя звонок, не умолкавший ни на секунду, продолжал настойчиво требовать, чтобы открыли.

– Эй, кто там? Предупреждаю: я не люблю этих шуток! – рявкнул Дурнев и, вооружившись молотком, выглянул на площадку. Внезапно лицо у него стало как у старушки, которая по ошибке вместо пуделя погладила нильского крокодила.

Перед дверью, едва помещаясь на узкой площадке, лежал огромный футляр для контрабаса. Футляр был исключительно старый, обшитый снаружи очень толстой шершавой кожей, чем-то смахивающей одновременно и на чешую. Будь Герман Никитич немного эрудированнее или имел привычку, к примеру, перелистывать книги, он легко бы сообразил, что такую кожу художники всегда изображают у драконов. Кроме того, к выпуклой ручке футляра контрабаса была приклепана небольшая медная бирка, полустершиеся буквы на которой гласили:

«...sbebnye ...trumenty maga Feo...: barabany, ...trabasy idr.».

Но у Дурнева не было ни малейшего желания разглядывать ни футляр, ни тем более бирку на нем. Он смекнул лишь, что ему на порог подкинули большой и крайне подозрительный предмет и тот, кто его подкинул, скорее всего сейчас убегает.

Теряя тапки, Герман Никитич неуклюже перескочил через футляр и, выскочив на лестницу, заорал в гулкую пустоту:

– Эй вы там! Эй! А ну забирайте вашу подозрительную штуковину – я звоню в милицию! Нечего мне бомбы подбрасывать!

На его крик никто не отозвался. Лишь на миг Дурневу, просунувшему голову между перилами, почудилось, что несколькими этажами ниже мелькнула тень. Затем хлопнула наружная дверь, и все стихло. Директор фирмы «Носки секонд-хенд» сообразил, что пройдохи, подкинувшие ему загадочную штуковину, сбежали.

Выкрикнув еще пару угроз, Герман Никитич зашлепал назад. Футляр был на прежнем месте. Не доходя до него нескольких шагов, Дурнев присел на корточки и подпер голову ладонями.

– Нинель, Нинель, иди сюда – смотри, что нам подбросили! – жалобно позвал он.

Из квартиры выглянула круглая щекастая голова его супруги. В руке Нинель сжимала сковороду «Тефаль», захваченную с той же целью, с которой ее муж вооружился молотком.

– Смотри-ка, футляр! – удивилась она.

– Не вздумай дотрагиваться! Там наверняка бомба! – взвизгнул Герман Никитич.

В этот момент из футляра донесся странный звук. Дурневы решили, что это тикает часовой механизм.

– Сейчас рванет! Ложись! – заорал руководитель фирмы «Носки секонд-хенд» и быстро стал отползать. Его супруга плюхнулась на линолеум, прикрывая голову сковородой «Тефаль».

Но ожидаемого взрыва не последовало. Вместо этого из футляра раздался требовательный детский плач. Изумленно переглядываясь, Дурнев и его супруга подползли к футляру. Щелкнул старый замок, крышка откинулась...

– А-а! Ты видел? Это ребенок! – воскликнула Нинель, сталкиваясь лбом со своим супругом.

– Лучше бы бомба! – простонал Герман Никитич.

В футляре, на заботливо подстеленном красном одеяле, лежала маленькая девочка с кудрявыми волосами. На кончике носа у нее была небольшая, с гречневое зерно, родинка. Малышка только что проснулась и теперь громко плакала от голода, энергично барабанила ручками и ножками по футляру контрабаса. Нинель брезгливо поморщилась:

– Нет, я не возьму ее к себе домой! Вдруг она какая-нибудь заразная? Даже наверняка заразная! Посмотри на это подозрительное пятно на носу! Да меня передернет от омерзения, если она окажется в одной кровати с Пипой. Но и бросить ее здесь мы тоже не можем. Соседи сбегутся...

– О, разумеется, мы ее не бросим! Мы же гуманные люди! Сдадим девочку в дом ребенка, а когда подрастет – ее отправят в детдом! Там ее обучат красить заборы, мести улицы и еще сотне замечательных профессий! – бодро сказал Дурнев.

Собрав разлетевшиеся по площадке тапки, он уже зашлепал к телефону, как вдруг его жена воскликнула:

– Смотри, крысик, тут письмо! Вот оно, привязано у ребенка к запястью!.. Да не размахивай ты руками, маленькая лягушка, я все равно его заберу!

Наклонившись, Нинель брезгливо высвободила конверт. В него была вложена фотография, взглянув на которую Герман Никитич покрылся бисеринками пота. На фотографии были сняты два мальчика – один белесый, тощий, с кислым и злым лицом, а другой задумчивый и грустный, с большим носом и рыжими кудряшками.

– О, нет! – простонал Дурнев. – Это я и Ленчик Гроттер, троюродный племянник сестры моей бабушки. Вот посмотри: я пытаюсь огреть его по лбу грузовиком, а он глазеет в свой чертов телескоп! Недаром сегодня выдался такой скверный день. Неужели эта девчонка его дочь? Если так, то нужно ее взять, или придет конец моей политической карьере. Ты же знаешь, Нинель, я хочу баллотироваться в депутаты...

Услышав, что девчонка может остаться у них, его жена от гнева распухла так, что едва поместилась на площадке.

– Ты мне НИКОГДА не рассказывал ПРО ЛЕНЧИКА ГРОТТЕРА! – гневно взвизгнула она.

Дурнев смущенно закашлялся.

– Ну вообще-то он не Ленчик, а Леопольд... Ленчиком его звала моя бабушка... О, эта была настоящая бестия, не бабушка, конечно, а этот Гроттер! В детстве мы люто ненавидели друг друга. Дрались всякий раз, как встречались. Точнее, это я его колотил, а он больше отсиживался по углам или листал свои идиотские книжки. Он вечно занимался всякой ерундой: то с ежами возился, то учился разговаривать на кошачьем языке, а мне ставили его в пример!

И что же ты думаешь? В десять лет он угнал свой первый мотоцикл, а в двенадцать ограбил банк! Вот и верь после этого тихоням!

– Двенадцатилетний мальчик ограбил банк? – не поверила своим ушам его супруга.

– Запросто. Он проделал это с помощью компьютера, даже не выходя из дома, но его засекли. Когда же пришла милиция, он просто-напросто исчез. Все думали, что он в комнате, взломали дверь, а там никого. Его искали, но так и не нашли. Думали даже, что он погиб. Я радовался больше всех, потому что знаешь куда этот придурок перечислил все украденные деньги? В фонд помощи беспризорным собакам!!! Нет чтобы отдать их мне, своему троюродному брату, а он... каким-то шавкам...

Дурнев побагровел от возмущения. Казалось, что из ноздрей и ушей у него вот-вот повалят пар.

– Ну ладно, исчез и исчез, – продолжал он, немного успокоившись. – А теперь слушай дальше. Проходит пятнадцать лет, и я получаю от этого типа новогоднюю открытку с идиотским почтовым штампом, на котором изображено крылатое чудище. Я прочитал ее, швырнул на стул, и она тотчас куда-то запропастилась, прежде чем я успел посмотреть обратный адрес. А теперь вот этот младенец! Интересно, с какой стати Гроттер подбросил мне своего отпрыска?

– Смотри, тут еще газетная вырезка! – воскликнула Нинель, догадавшаяся еще раз заглянуть в конверт.

+++

"ТРАГЕДИЯ В ГОРАХ

Не проходит и года, чтобы снежные лавины не унесли новые жизни.

На этот раз их жертвами стали археологи Софья и Леопольд Гроттеры, исследовавшие могильники доисторических животных в горах Тянь-Шаня. Громадная снежная лавина буквально смела их палатку, которую они имели неосторожность разбить на опасной части склона. Тела отважных археологов так и не обнаружены. У Софьи и Леопольда осталась дочь Татьяна, которую теперь, видимо, отдадут родственникам.

Известно, что незадолго до трагедии Гроттерам удалось найти отлично сохранившиеся останки саблезубого тигра".

+++

– Несчастный тигр! Нашел с кем связаться! Ему еще повезло, что он был дохлый! – с чувством воскликнул Дурнев.

Это было единственное сожаление, которое Герман Никитич выразил, узнав о кончине своего троюродного брата. Девочка, лежавшая в футляре контрабаса, на то время, пока читали заметку, притихла, а после заплакала вдвое громче.

– Ишь ты как заливается, словно что-то понимает! – хмыкнул Дурнев. – Спорю, когда она вырастет, ее посадят в тюрьму! Только ради того, чтобы полюбоваться этим зрелищем, мы оформим над ней опекунство! Покорми ее, Нинель! Там в холодильнике остался просроченный кефир. Все равно выбрасывать.

Так Герман Дурнев и его жена Нинель стали дядей Германом и тетей Нинелью. Под этими звучными именами они в свое время и вошли в справочное издание «Тысяча самых неприятных лопухоидов».

Глава 2

ЗОЛОТОЙ МЕЧ

Таня Гроттер проснулась на рассвете от холода. На ее тонком одеяле был лед, и такая же ледяная корочка, только чуть потоньше, застыла на подушке. Некоторое время Таня еще лежала, надеясь забиться под влажное одеяло, но это было бесполезно – становилось еще противнее и холоднее. Тогда Таня откинула одеяло и торопливо вскочила, мечтая поскорее нырнуть в квартиру, в тепло.

Она дернула дверь один раз, другой, третий, но та не поддалась. Встав на цыпочки, Таня обнаружила, что нижний шпингалет задвинут. Пипа опять взялась за старое. В последний раз она заперла Таню на лоджии в начале весны, та простудилась и полтора месяца провела в больнице с воспалением легких. Впрочем, время в больнице было не таким уж и плохим, хотя ей ежедневно делали уколы и даже ставили капельницу. Там она, во всяком случае, была в тепле и ее никто не шпынял по тридцать раз на дню. И вот теперь снова...

Таня принялась стучать в стекло, но Дурневы крепко спали в соседней комнате. Разбудить их смогла бы только взорвавшаяся в кухне бочка с порохом. Что касается Пипы, то, хотя ее кровать и была совсем рядом, она только хихикала и строила Тане отвратительные гримасы. Впрочем, никакая гримаса, даже самая противная, не была столь же противной, как ее собственное лошадиное лицо (наследство от папы Германа) с мигавшими на нем круглыми рыбьими глазами (подарок от мамы Нинели).

– Эй ты, страшилище, открой сейчас же! – крикнула Таня Пипе.

– Размечталась! Сиди там и мерзни. Все равно тебя когда-нибудь посадят в тюрьму, как и твоего папашу... А мне противно: не хочу, чтобы ты бродила по квартире. Еще украдешь что-нибудь, – фыркнула Пипа.

Она достала из ящика стола фотографию в рамке и, плюхнувшись обратно на кровать, стала ее рассматривать. Таня не знала, кто на этой фотографии, потому что Пипа постоянно запирала ее и никогда даже случайно не поворачивала рамку лицевой стороной. Наверняка Таня знала только то, что Пипа без памяти влюблена в того, кто на этом снимке, причем влюблена так, что глазает на него не меньше чем по часу в день.

– Давай, давай! Покажи ему свои прыщи! – крикнула ей Таня.

Пипа яростно засопела.

– Давай, давай! Смотри только нос не отсопи! – ежась от холода, снова крикнула Таня.

Давая этот совет, она шарила глазами по балкону, прикидывая, нельзя ли чем-нибудь запустить в Пипу. А если запустить нечем, то нет ли хотя бы подходящей веревки, чтобы, сделав петлю, свесить ее из форточки и подцепить шпингалет.

Дурневы никогда не говорили Тане правды о ее родителях. Им доставляло удовольствие дразнить девочку рассказами о том, что ее папу посадили в тюрьму, а ее мама умерла, побиваясь на вокзале. Саму же Таню дядя Герман и тетя Нинель взяли якобы из жалости. «И разумеется, мы ошиблись! Ты оказалась еще большая хамка, чем был твой папаша!» – обязательно добавлял дядя Герман.

И это была наглая ложь – Таня не была хамкой, хотя постоять за себя умела. Маленькая, быстрая, бойкая, с мелкими кудряшками, она ухитрялась быть сразу везде. Ее острый язычок резал как бритва.

«Этой палец в рот не клади!» – признавала иногда Нинель, которая сама запросто кому угодно могла отгрызть руку по локоть да еще и сказать, что невкусно. На самом деле Таня вовсе не была вредной, просто с Дурневыми, ежесекундно унижавшими ее, иначе было не выжить.

С середины весны и до середины осени Дурневы заставляли Таню спать на застекленной лоджии, и лишь когда становилось совсем холодно, ей позволялось перелечь в самую дальнюю и темную комнату квартиры Дурневых. В ту комнату, где в обычное время стоял пылесос, лестница-стремянка и жила злобная такса по имени Полтора Километра. Эта старая кривоногая колбаса ненавидела девочку так же сильно, как и сами Дурневы, и, выслуживаясь перед хозяевами, вечно висла у нее на пятках.

С того дня, когда Герман и его супруга обнаружили на своей площадке футляр от контрабаса, прошло десять лет. Снова была осень, но уже не яркая и радостная, как тогда, а хмурая и дождливая. Ночью были заморозки, и по утрам на застекленной лоджии повисали сосульки. Точно такой же лед образовывался и на тонком матрасе девочки, и на ее одеяле. Возможно, Дурневы и позволили бы Тане снова перелечь в комнатку, если бы не недавно сделанный ремонт.

– Только представлю, что эта неряха лежит на новой кровати и трогает пальцами наши новые обои, мне просто кусок в горло не лезет, – заявляла тетя Нинель.

– Да, жаль, что мы выбросили старый диван... Но, наверно, она сможет спать на полу, на своем матрасе, – великодушно говорил дядя Герман, когда бывал в хорошем настроении. Однако случалось это крайне редко, потому что хорошее настроение у него было лишь одно, а дурных, как известно, сто семнадцать... То, что несколько лет назад дядя Герман стал депутатом и даже возглавил комиссию «Сердечная помощь детям и инвалидам», очень мало его изменило. Он даже, пожалуй, стал еще противнее. А тут к тому же новые выборы на носу! Дядя Герман ходил все время хмурый и озабоченный и, только выходя на улицу, с омерзением натягивал на себя улыбку, как натягивают старые и не очень чистые носки. От постоянной озабоченности он еще больше высох. Даже уличные собаки поджимали хвосты и жалобно выли, когда дядя Герман проходил мимо.

Так и не сумев найти на лоджии ничего, что позволило бы дотянуться до шпингалета, Таня слегка приуныла. Упрашивать же Пипу открыть ей она не собиралась, чтобы не доставлять той дополнительного удовольствия.

«Ну ничего, чучундра! Ты у себя еще обнаружишь в ближайшем домашнем сочинении пять лишних ошибок!» – мстительно подумала она.

Таня закуталась в одеяло, прижалась лбом к стеклу и стала смотреть во двор. Внизу, мелкие, как жуки, стояли автомобили. Серебрились крыши гаражей-ракушек. Невыспавшийся дворник назло всем, кто еще спит, громыхал крышкой мусорного бака.

«Вот если бы я могла летать! Я бы открыла окно, раскинула руки и улетела далеко-далеко отсюда, за сотни, за тысячи километров, туда, где мой папа! А крылья бы у меня были ну как тот лист, к примеру...» – тоскливо подумала Таня.

Под ее взглядом большой красный лист, дрожавший на отставленной ветке клена, неожиданно сорвался, взмыл вверх на целых три этажа и приклеился к стеклу с другой стороны прямо напротив ее лица. Пока девочка соображала, как могло случиться, что лист, вместо того чтобы лететь вниз, полетел вверх, шпингалет громко клацнул, как затвор винтовки.

Обернувшись, Таня увидела тетю Нинель в ночной рубашке. Протирая глаза, тетя безразлично смотрела на нее. За прошедшие десять лет она растолстела втрое и могла ездить теперь только в грузовом лифте. Чтобы она протискивалась в кухню, пришлось расширять дверь.

– Чего ты тут торчишь? – с подозрением спросила тетя Нинель.

– А что, нельзя, что ли?... Меня ваша Пипа заперла, – растерялась Таня. С Дурневыми она вечно ощущала себя виноватой. Вероятно, к этому они и стремились, день за днем, год за годом отравляя ее существование.

– Не смей врать, неблагодарная дрянь! – рявкнула тетя Нинель, как будто не она только что открывала шпингалет. – Что это за «ваша Пипа»? И это после того, как сестра подарила тебе на день рождения свой любимый пенал?

Таня хотела сказать, что пенал был старым, а ручки все либо мазали, либо вообще не писали, но решила, что лучше будет промолчать. Тем более что на следующий день Пипа нарочно изрезала пенал лезвием.

– Что молчишь? Думаешь, мне приятно с тобой разговаривать? Марш на кухню перебирать гречку! Лопать любишь – люби и готовить! – рассердилась тетя.

Прошмыгнув мимо нее, Таня пошла на сиявшую небесно-голубым кафелем кухню Дурневых и, высыпав гречку на стол, стала отсеивать темные зерна. По правде сказать, гречка была довольно чистой, но дядя Герман и тетя Нинель были помешаны на экологически чистой еде, сверхчистой воде и прочих подобных затеях. Одних только фильтров у них на кухне стояло целых семь штук.

Правда, Таню Дурневы все равно заставляли пить из-под крана, чтобы не тратить на нее картриджи для фильтров. Однако и Таня не оставалась в долгу, периодически подливая им в чайник воды из бачка унитаза.

Неохотно перебирая гречку, девочка изредка поднимала голову и искоса поглядывала на свое отражение в большой никелированной вытяжке над плитой. Вытяжка была новой, как и кухня, и в ней все отражалось, как в зеркале, но только не плоско, а выпукло.

То ли вытяжка льстила, то ли Таня действительно выглядела значительно лучше Пипы. Складная, озорная, быстроглазая... Вот только небольшая родинка на кончике носа придавала ей не то загадочный, не то залихватский вид.

Сколько долгих минут, особенно в первом-втором классе, когда ее жутко дразнили и обижали из-за этой родинки, девочка рассматривала ее в зеркало! И чем дольше рассматривала, тем чаще ей приходило в голову, что ни у кого больше она не видела похожих родинок. Ее родинка иногда меняла цвет, становясь то розовой и незаметной, то почти черной. Она могла уменьшаться и увеличиваться в размерах. Всякий раз, когда Таня должна была заболеть, или незадолго перед крупной неприятностью родинка начинала пульсировать и даже сильно печь, будто ее прижгли горячим гвоздем. И наконец совсем рядом с родинкой можно было разглядеть шрам, состоящий из двух крошечных точек. А не укус ли это, и если да, то чей? Может, и сама родинка возникла от укуса?

На кухню заглянула тетя Нинель. Ее громоздкая туша нависла над девочкой, как железобетонная плита.

– Чего копаешься? Перебрала гречку? Из этой кучки сваришь нам, а из этих черных точек можешь себе чего-нибудь приготовить. И не стесняйся. Если нужен будет хлеб, возьми тот, что остался от гостей. Плесень на нем можно запросто срезать.

За завтраком, кроме каши, Дурневы ели красную икру и бутерброды с осетриной. Таня же уныло сидела на табуретке рядом с собачьей миской и жевала черствый, почти каменный хлеб. Причем, когда она начинала двигаться, такса Полтора Километра рычала и повисала зубами у нее на тапке.

– Не смей дразнить собаку! – взвизгивала тетя Нинель, а довольная Пипа незаметно болтала под столом ногами, стараясь разозлить таксу еще больше.

Неожиданно из тещедушной груди дяди Германа, мешавшего ложечкой в чае, исторгся душераздирающий вздох.

– Пожалуйста, не кричите! У меня ужасно болит голова. Мне приснился кошмарный сон, – умоляюще попросил он.

Едва он это произнес, как тетя Нинель и Пипа мгновенно замолчали, и даже Полтора Километра, эта злобная ревматическая моська, перестала рычать. Дело в том, что дяде Герману НИКОГДА В ЖИЗНИ не снились сны. Во всяком случае, прежде он о них не говорил.

– Что же ты видел, пампушечка? – Тетя Нинель иногда называла своего мужа пампушечкой, хотя правильнее было бы называть его «скелетошечкой».

Вот и теперь, переделав про себя «пампушечку» в «скелетошечку», Таня тихонько засмеялась и тотчас испуганно оглянулась. Нет, никто не заметил, все пораженно глазели на сновидца дядю Германа.

Дурнев тревожно покосился на окно.

– Мне приснилась старуха, – сказал он полупшепотом. – Жуткая старуха, которую прислали нам в картонной коробке. Старуха с красными глазами и отвратительной слюнявой челюстью. Она протянула руки... руки были у нее ОТДЕЛЬНО, не крепились к телу... схватила меня за шею костлявыми пальцами и потребовала...

– Мамочки! Что? – пискнула Пипа, роняя изо рта кусочек осетрины, упавший точно на нос таксе.

– Она сказала: «Отдай мне то, что она прячет!»

– Отдай что?

– Я откуда знаю что? Я даже не знаю, кто такая «она»! – огрызнулся дядя Герман. Он хотел добавить что-то еще, но внезапно Пипа оглушительно взвизгнула:

– Эй! Эта дура чуть не опрокинула стол! Я ошпарилась чаем!!!

Оба старших Дурнева разом повернулись и уставились на Таню. Пипа продолжала отвратительно визжать, голося, что ее надо срочно в больницу и что она не чувствует ног. Таня сидела как в тумане, не понимая, что случилось и почему все на нее смотрят. А потом вдруг ощутила, что сжимает руками столешницу. Так вот почему визжит Пипа – она, Таня, зачем-то схватилась за стол и, резко дернув его, ошпарила ее чаем!

Тетя Нинель яростно повернулась. Табуретка под ней – одна из новых, недавно купленных табуреток – оглушительно треснула.

– Не разозли ты меня, я бы ее не сломала! А ну марш одеваться и в школу!! – закричала она на Таню.

Девочка встала и, не понимая, отчего у нее так кружится голова, пошла в комнату. Она только что поняла, что все случилось в тот миг, когда дядя Герман упомянул о желтой старухе и ее словах: «Отдай мне то, что она прячет!»

* * *

В школу в этот день Таня отправилась одна. Пипа воспользовалась случаем, чтобы свалить все на ожог, и осталась дома смотреть телевизор.

– Мама! Папа! Из-за этой припадочной я не могу пойти на контрольную! Теперь у меня в четверти точно будет трояк! Это ей, этой идиотке, надо сказать спасибо! Из-за нее я плохо учусь! – вопила она, хотя Таня прекрасно знала, что Пипа видела контрольную в гробу в белых тапочках. К тому же чай вовсе не был таким уж горячим, и если надутая дочка дяди Германа и тети Нинели и обожглась, то только в своем воображении.

Но самое досадное, что и дядя Герман и тетя Нинель верили каждому слову своей дочурки.

– Ох, Пипочка, ну что же я могу сделать с этой уголовницей? Ты же знаешь, мы пока не можем отдать ее в детский дом, а в колонию до четырнадцати лет не берут! – причитала тетя Нинель, когда Таня, одетая в нелепую малиново-серую куртку, у которой вместо пуговиц было какое-то уродство – не то розочки, не то луковицы, – стояла в коридоре.

– Ерунда, – не выдержала Таня. – Если у нее и будет трояк, то лишь потому, что у нее пар в журнале больше, чем прыщей. Вы когда-нибудь видели человека, который «овощ» пишет не только с мягким знаком, но и в два слова?

– Не смей выступать! А как, по-твоему, он пишется, без мягкого знака, что ли? Все, сил моих больше нет! То ко мне прикатываются на прием какие-то грязные симулянты, прикидывающиеся инвалидами лишь на том основании, что у них нет рук и ног, то это маленькое чудо-

вище... Не могу больше, ухожу... – простонал дядя Герман и, стиснув руками виски, отправился к себе в кабинет.

Тетя Нинель надвинулась на Таню, наклонилась к ней и, с ненавистью прожигая ее маленькими, утопавшими в толстых щеках глазками, зашипела как змея:

– Ты за это поплатишься! Поплатишься! Теперь я уж точно вышвырну из дома твой идиотский футляр от контрабаса!

Тане почудилось, точно ее ткнули раскаленной спицей. Тетя Нинель сумела найти самое болезненное ее место. Уж лучше бы она сто раз назвала ее тупицей или дегенераткой – уж к этому-то она привыкла, – но выбросить футляр...

– Только попробуйте его тронуть! – крикнула Таня. Старый футляр от контрабаса, лежавший в шкафу на застекленной лоджии, был единственной вещью, которая полностью и безраздельно принадлежала ей в доме Дурневых. Сложно сказать, почему дядя Герман и тетя Нинель до сих пор его не выбросили. Странно и другое – почему они никогда не говорили Тане о том, каким образом этот футляр оказался у них в квартире и кто, плача от голода, лежал в нем.

– Это уж я буду решать, милочка! Можешь не сомневаться: твой футляр сегодня же будет на помойке! А теперь марш в школу! – удовлетворенно фыркнула тетя Нинель.

Пипа, маячившая у мамы за спиной, торжествующе высунула длинный язык цвета непроваренной ливерной колбасы. У Тани перед глазами запрыгали разноцветные пятна. Чтобы не упасть, она оперлась о притолоку. Лицо тети Нинели показалось ей вылепленным из сала.

– Если... если вы выбросите его, я уйду из дома! Я буду жить где угодно, на вокзале, в лесу! Слышите? Слышите? – крикнула она.

Тетя Нинель на мгновение растерялась. Она и не подозревала, что Таня может так взорваться. Обычно девочка все терпела молча. К тому же жене дяди Германа пришлось в голову, что, если девочка будет жить на вокзале, об этом разнюхают репортеры и это помешает дальнейшему продвижению ее супруга в депутатской комиссии «Сердечная помощь детям и инвалидам». А если учесть, что через два месяца выборы, скандал тем более не нужен.

– Очень испугала... Да живи ты хоть на помойке! А футляр я все-таки вышвырну не сегодня, так завтра. Нечего такому страшилищу делать в нашей квартире, – буркнула тетя Нинель уже не так яростно, скорее просто чтобы сразу не сдавать позиций, и, грузно повернувшись на толстых пятках, отправилась на кухню.

Таня же подобрала портфель с учебниками – кошмарный тесный портфель, на котором была изображена лупоглазая кукла и который годился самое большее для первого класса, – и вышла на площадку.

Дождаясь лифта, она слышала, как истерично визжит Пипа, а тетя Нинель, оправдываясь, лепечет ей:

– Ну что я могу? Нам сейчас совсем не надо скандала. Ты же знаешь, у папы скоро выборы! Он такой беспокойный, такой нервный, а тут еще эти постоянные просители притаскиваются к нему на прием!.. Разве им мало того, что папа ежегодно жертвует в пользу бедных по две тонны просроченных консервов, не считая старой одежды? Ну ничего, очень скоро мы выбросим весь грязный хлам этой нищенки, вот увидишь!

По дороге, да и после, в самой школе, Таня постоянно думала, увидит ли снова свой футляр или нет. Тетя Нинель отыскала прекрасный способ, как отравить ей весь день. Да и множество других дней тоже.

* * *

Оказавшись в школе, Таня вскоре поняла, что Пипа совершенно напрасно прогуляла контрольную. Напрасно потому, что контрольную отменили, а вместо нее устроили экскурсию в Оружейную палату, которая должна была быть в следующий четверг.

После первого урока поднялась жуткая суета. На школьный двор въехал красный автобус с табличкой «ЭКСКУРСИОННЫЙ» и стал сигналить. Классная руководительница Ирина Владимировна суетливо размахивала руками – если бы это были не руки, а крылья, она непременно бы взлетела – и кричала:

– Дети, вы слышите меня? Контрольная отменяется! Все, кто сдавал деньги, садятся в автобус! Остальные идут помогать уборщице мыть лестницу с первого этажа по пятый!

Таня вздохнула, предчувствуя, что это относится к ней. Дурневы оплатили только экскурсию Пипы. Тане они никогда ничего не оплачивали – ни подарки на Новый год, ни театры, ничего. Даже за школьные завтраки или проездные билеты дядя Герман всегда сдавал деньги с величайшей неохотой, и то лишь потому, что, откажись он их сдавать, это сразу бросилось бы в глаза. Что касается карманных средств, то о них можно было и не заикаться. Единственными деньгами, которые Таня держала в руках за всю свою жизнь, была монетка в пять рублей, которую она нашла как-то зимой, вмерзшей в лужу. Она так растерялась, что не знала, как ее потратить. Монетка долго лежала у нее в кармане, а потом тетя Нинель нашла ее и заявила, что Таня украла ее у Пипы. Кстати, Пипе за каждую пятерку платили по пятьдесят рублей, а за четверку по сорок. Впрочем, чаще Пипа перебивалась тридцатниками.

Пока ее одноклассники забирались в автобус, Таня продолжала растерянно стоять рядом, прикидывая, заставят ли ее возить по ступенькам тряпкой или можно будет хотя бы попроситься носить воду. Она уже повернулась, чтобы уйти, но Ирина Владимировна догнала ее и, озабоченно подпрыгивая на месте – она вообще вела себя точь-в-точь как курица, – закудаhtала:

– Гроттер! Татьяна! Почему ты не в автобусе? Тебе особое приглашение надо?

– Мне не особенно хочется... Терпеть не могу эти музеи, – стараясь не смотреть на нее, сказала Таня.

Ирина Владимировна еще раз подпрыгнула.

– Не правда, Гроттер! Ты просто знаешь, что за тебя не платили! Но платили за Пенелопу. Все равно деньги пропадут. Марш в автобус и не заставляй меня нервничать!..

Не веря в такую удачу, Таня поскорее забралась в автобус. Разумеется, Дурневы три года потом будут ее попрекать, что обваренная кипятком несчастненькая Пипа валялась чуть ли не в коме и не сходила по ее вине в Оружейную палату, ну да они и так бы отыскали, чем ее кольнуть. А пока можно сидеть в автобусе, смотреть в окно на проплывающие мимо дома и радоваться. А потом еще будет экскурсия и такая же долгая дорога назад в школу. Целых полдня счастья! А все, что будет потом, можно просто-напросто выбросить из головы, и все дела.

Таня нашла себе неплохое местечко у окна, где рядом с ней сидел угрюмый молчун Генка Бульонов, от которого не стоило ждать никаких гадостей, и приникла лбом к стеклу. Тяжело покачнувшись, автобус выехал из школьного двора.

Замелькали серые влажные дома. Заискрились вывески магазинов. Пестрой карточной колодой рассыпались слепящие яркостью деревья. Светофоры подмигивали. Грязные лужицы разлетались веселыми брызгами. Прохожие оглядывались на автобус, и Тане казалось, что каждый смотрит именно на нее и думает: «Везет же ей, вот она едет в Оружейную палату, а у меня всякие скучные дела!»

Когда они проезжали по их району, пару раз мелькнули большие рекламные щиты. С плакатов смотрел розовый и веселый дядя Герман. «Самый добрый депутат – ваш депутат!» – гласила надпись под его фотографией.

На плакате дядя Герман и вправду выглядел неплохо.

Только одна Таня да еще, пожалуй, Пипа с тетей Нинелью знали, сколько часов провозился с дядей Германом фотограф и сколько ваты он велел ему подложить за щеки, чтобы дядя Герман чуть меньше был похож на вурдалака.

Но теперь даже торчавшая повсюду физиономия «самого доброго депутата» не могла отравить Тане радость. Она ехала в музей! Впервые в жизни ей перепало что-то приятное! Вот уж точно на небе что-то перепутали, и рог изобилия, проливавшийся всегда на Пипу, пролился по ошибке на нее.

– Ты... это... – раздался рядом чей-то хриплый голос. Таня удивленно повернулась. Похоже, это произнес Бульонов, а она совсем забыла о его существовании. Равно как и о том, что он вообще умеет разговаривать.

– Чего тебе, Бульон?

– Ничего... – буркнул Бульонов и вновь погрузился в молчание. Вид у него был такой довольный, будто он уже наобщался на десять дней вперед.

– Ну а ничего, так и помалкивай! Разболтался тут! – фыркнула Таня и, мгновенно забыв о своем соседе, вновь занялась происходящим за окном.

А там действительно творилось нечто интересное. За автобусом вдруг увязалась большая русская борзая и долго бежала рядом с ним. Девочку еще поразило, почему такая дорогая собака гуляет без хозяина. Станным было и то, что эта борзая мчалась не так, как обычные псы, которые с бестолковым лаем пытаются вцепиться зубами в колесо. Она мчалась осмысленно, все это время не отрывая от Тани настороженных глаз. Можно было даже подумать, что борзая чем-то обеспокоена и что-то пытается сообщить ей.

Внезапно Генка Бульонов зевнул с таким кошмарным щелчком челюстей, что к ним обернулось пол-автобуса. Таня тоже на мгновение отвлеклась, а когда вновь взглянула в окно, то русская борзая уже исчезла. Там же, где автобус только что встал на светофоре, стояла худая рыжеволосая женщина с растрепанными рыжими волосами, шевелившимися так грозно, будто... нет, конечно же, это были не змеи. Худая женщина, казалось, без особого интереса покосилась на автобус и, повернувшись, ушла. Ее странный длинный плащ был забрызган грязью в тех же местах, что и шерсть мчавшейся по лужам борзой. Таня даже вскочила, но автобус уже проехал. Мгновенье – и в стекле снова мелькали лишь серые дома, телефонные будки и прозрачные павильоны автобусных остановок.

Прошло несколько минут, прежде чем Таня окончательно выбросила эту историю из головы.

Нет, определенно сегодня был особенный день, очень мало похожий на предыдущие три тысячи двести восемьдесят пять дней, минувшие с того вечера, когда на площадке многоэтажного дома по Рублевскому шоссе появился истертый футляр от контрабаса...

Перед входом в Оружейную палату ребят построили парами. Пересчитывая всех, Ирина Владимировна едва не упала в обморок от ответственности. Толстопузый физрук Приходькин, отправленный вместе с экскурсией в качестве второго сопровождающего, вел себя куда как уравновешеннее: никого не считал и только уныло хлопал глазами. Похоже было, с большим удовольствием он подремал бы в автобусе.

– Заходим в музей парами! Все экспонаты трогаем только глазами! Глазами, я сказала! Учтите, все находится под сигнализацией! Только попробуйте разбить витрину или прилепить жвачку к царскому трону! – грозно пискнула Ирина Владимировна.

Генка Бульонов сразу оживился. Видно было, что идея, как использовать жвачку, привлекла его своей новизной.

Когда пришла ее очередь сдавать куртку в гардероб, Таня, как всегда, ощутила неловкость. Под курткой у нее была кошмарная джинсовая рубашка с обтрепанным воротником, годившаяся разве что на то, чтобы в три часа ночи воровато вышвырнуть ее в мусорный бак. Хотя Дурневы были богатыми, они всегда одевали девочку очень плохо – в самое изношенное и грязное старье, которым торговала фирма дяди Германа. Обувь же тетя Нинель подбирала всегда такую, которая была Тане либо мала, либо велика до такой степени, что ей приходилось шаркать подошвами по полу, чтобы ступня не выскользнула.

Неудивительно, что, видя потом Таню в этом тряпье, даже тетя Нинель, черствая и бестактная, как африканский носорог, порой испытывала нечто вроде угрызений совести и начинала говорить всем учителям подряд: «Да, согласна, мы одеваем ее неважно. Но она все равно все порвет! А что вы хотите от дочери вора и алкоголички? Мы с мужем совершили непростибельную глупость, взяв ее, и несем теперь свой крест».

Одноклассницы, одетые куда как лучше, презрительно косились на Гроттер.

– Вот чумичка... Вырядилась так, что ей сейчас копеечку подадут... Позорит всех! – морщились они.

Среди них у Тани не было ни одной подруги, а если такая ненадолго и появлялась, ее тотчас начинали высмеивать Пипа и все ее подхалимы. Поэтому ни одна подруга не оставалась рядом с Таней надолго. Не проходило и недели, как она примыкала к ее гонителям и злорадно высмеивала ее родинку из противоположного угла класса. И Таня ее отлично понимала: той приходилось выслуживаться, искупая свою дружбу...

В сопровождении маленького сутулого экскурсовода, который выглядел таким дряхлым, будто был гораздо старше всех здешних экспонатов, они прошли несколько залов. Вначале Таня слушала с интересом, но постепенно интерес ее выветрился, потому что экскурсовод говорил примерно одно и то же: «Э-э-э... Перед вами пер-рстень, подаренный Екатериной II графу Орлову... Продав этот перстень, можно было купить 10 000 кр-рэс-тьян... А это диадема, подаренная царице князем Потемкиным... На нее можно было бы пр-рэобр-рести 15 000 кр-рэстьян».

Все эти цифры экскурсовод произносил так снисходительно и привычно, будто в свободное от работы время только и занимался тем, что торговал крестьянами, потихоньку выменивая их на экспонаты из своего музея.

Они были уже в шестом или седьмом по счету зале, как вдруг что-то заставило Таню остановиться. Одновременно в груди у нее будто шевельнулось что-то легкое и невесомое.

Под выпуклым бронированным стеклом на высокой подставке, освещенный несколькими мощными лампами, лежал золотой меч. Его широкое, немного зазубренное по краям лезвие было покрыто замысловатыми письменами. Вокруг было сколько угодно бесценного оружия, но оно почему-то не запоминалось, а вот этот меч... Можно было подумать, что когда-то она уже держала его... Бред какой-то... Дядя Герман даже пластмассовой сабельки ей никогда не покупал, а тут золотой меч... Да он скорее бы съел свой галстук, чем вообразил бы себе такое. И тем не менее Тане упорно продолжало казаться, что этот меч ей знаком.

Еще немного, и Таня найдет ответ, в сознании у нее забрезжила уже крошечная золотая искорка, но тут кто-то небрежно отстранил ее от витрины.

Рядом замаячил экскурсовод, заученно, как старая пластинка, твердящий свой врезавшийся в память текст.

– Перед нами меч, найденный в могильнике скифского вождя. Обратите внимание на знаки, покрывающие его лезвие. Они интересны тем, что не имеют аналогов в письменности ни одного из известных нам народов... Расшифровке они не поддаются, так что скорее всего это просто узоры, которыми мастер украсил меч при его отливке.

– А сколько крестьян на него можно купить? – перебил Павлик Язвочкин, главный остряк класса.

Экскурсовод покосился сперва на меч, а потом на острьяка. Казалось, он оценивает их на глазок, точно старик-процентщик.

– Сколько кр-р-эстьян, не знаю. Но пару тысяч таких, как ты, точно можно... – печально сказал он. – Теперь перейдем к следующему экспонату... Вы видите двухпудовое кольцо от золотых ворот, которое, по легенде, свалилось на макушку Юлию Цезарю в ту минуту, когда он с триумфом входил в Рим во главе своих легионов...

Весь класс вслед за экскурсоводом перетек к соседней витрине. Возле меча осталась только Таня. Невольно, не отдавая себя отчета, что делает, девочка протянула руку, чтобы коснуться меча. Разумеется, пальцы ее наткнулись на бронированное стекло. Немедленно задрезжал звонок, а еще через секунду громадная смотрительница, смахивающая на арендованную в зоопарке гориллу, на которую кое-как натянули юбку и тесный паричок, вцепилась Тане в рукав.

– Тебе что, не говорили: ничего не трогать! Вот я сейчас охрану позову... Где учительница? – закричала она громче сирены.

– Вы не обращайте внимания! Она у нас, типа, придурочная! У нее папаша зэк, – встряла Лена Мумрикова, тощая, отливающая зеленой девица, главная из подхалимок Пипы.

– А ну заткнись, жаба зеленая! – не узнавая собственного голоса, воскликнула Таня.

Ей ужасно захотелось припечатать Мумрикову носом в стекло, чтобы сигнализация сработала еще разик, но сделать это было нельзя, потому что смотрительница продолжала крепко держать ее.

К счастью, вместо Ирины Владимировны, которая наверняка наябедничала бы Дурневым, к ним, переваливаясь, подошел физрук Приходькин.

– Вы что? Ее учительница? – недоверчиво спросила смотрительница.

– Ага! Это моя учительница! Любимая, с самого первого класса, – моментально подтвердила Таня.

– А ты помолчи! – рявкнула смотрительница. – Я у мужчины спрашиваю: вы педагог?

– Ну... – подтвердил Приходькин.

– Э-э, раз так... – Смотрительница тупо уставилась на живот физрука. Он был огромный, словно Приходькин проглотил мяч, и невольно внушал уважение. – Тогда вот что: держите эту вашу фифу и не отпускайте! Пусть не смеет ничего трогать! – решила она.

– Уже увожу.

Громадные, похожие на стальные наручники пальцы Приходькина сомкнулись на запястье девочки. Некоторое время он волок ее за собой по залам, как маленькую, но потом ему зачем-то потребовалась рука. Он разжал пальцы и выпустил Таню. Та торопливо отбежала на несколько шагов и повернулась, проверяя, вспомнит ли он о ней. Но физрук лишь рассеянно пошарил пальцами где-то внизу, будто смутно припоминая, что держал что-то, и затопал за классом.

Потом на мгновение приостановился и – возможно, это только показалось Тане – дружелюбно подмигнул ей. Таня была благодарна этому рассеянному толстяку. Кроме того, она вспомнила, что на своих уроках Приходькин всегда неплохо к ней относился и называл ее в шутку «малютка Гроттер»: «Если бы вы все бегали стометровку так, как милотка Гроттер!» Или: «Сегодня у нас прыжки в длину. Малютка Гроттер покажет, как это нужно делать...»

Они прошли еще с десятков залов и, описав по внутренним помещениям музея полукруг, вновь оказались недалеко от выхода. Здесь экскурсовод шепнул что-то учительнице, кисло посмотрел на ребят и ушел.

– Внимание! Все смотрят на меня! Теперь вы можете побродить по залам самостоятельно. Встречаемся здесь же через десять минут! И помните, что я сказала: ничего не трогать, не хватать и не пачкать! Мумрикова, не смей бросать фантик в китайскую вазу! Ее не для того сделали пятьсот лет назад! – крикнула Ирина Владимировна.

Одноклассники разбрелись по Оружейной палате, но большинство помчалось в гардероб покупать сувениры и открытки. Таня же, охотно отделившись от класса, вновь отправилась в зал, где был меч. Ей хотелось посмотреть на него напоследок, если смотрительница не прогонит.

Неожиданно родинка на носу у Тани отозвалась болью, будто кто-то обжег ее спичкой. Прежде такого никогда не случалось. Кривясь, Таня кинулась к ближайшему зеркалу в тяжелой старинной раме. В этот момент родинка показалась ей особенно безобразной, похожей на прилипший к кончику носа комочек гречневой каши. Как же она в этот момент ее ненавидела!

– Убирайся с моего носа! Сказано тебе – вон! – крикнула она родинке.

Внезапно раздался жуткий вой, от которого разрывались барабанные перепонки.казалось, в Оружейной палате одновременно сработали все сирены. Лампы замигали. Вбежав в зал, Таня увидела, что в стекле витрины зияет огромная дыра, меч исчез, а похожая на гориллу смотрительница бесформенной грудой лежит на полу. В тот миг, когда Таня вошла, узкая форточка на зарешеченном окне музея захлопнулась. Впрочем, зал и без того был полон звуков.

Таня испуганно замерла. В коридорах уже раздавался топот множества ног. Спихватившись, что ее здесь застанут, девочка хотела поскорее выбежать, но опоздала. В зал вбежали охранники, экскурсовод, работники музея, Приходькин с Ириной Владимировной и добрая половина класса.

Кинувшись к разбитой витрине, они пораженно замерли. Другие пытались отключить сирену и привести в чувство смотрительницу.

– Украли! Что было в этой витрине? – крикнул кто-то.

– Золотой меч! – с бесконечным унынием в голосе сказал сутулый экскурсовод. – И что же вы думаете: меня уже сорок лет мучало пр-рэдчувствие, что это однажды произойдет. Лет семнадцать назад я даже делился своими соображениями с ныне покойным директором.

– Это тот самый меч, который трогала Гроттер! Она была тут самая первая! – заорала вдруг Лена Мумрикова.

– Это не я! – крикнула Таня, но ее мало кто слушал. А если и слушали, то не верили.

Таню окружило плотное кольцо тарасившихся на нее людей. Близко к ней никто не подходил, будто она была прокаженной. В этот миг смотрительница приоткрыла глаза. Увидев Таню, она простонала: «Опять эта девчонка!» – и вновь хлопнулась в обморок.

Таня ощутила, что краснеет, причем не просто краснеет, а становится пунцовой, точно помидор. Она пыталась оправдываться, но ее никто не слушал.

– Класс! Глазам своим не верю! Гроттер сперла золотой меч! – воскликнул Генка Бульонов, едва не подавившийся от восторга так и не приклеенной к трону жвачкой.

– Это не я! – крикнула Таня.

– А ну заткнись! Больше никого в зале не было! Общайте ее! – крикнула Лена Мумрикова.

Таня, потная, растерянная, попятилась, налетев спиной на Ирину Владимировну.

– Гроттер! Татьяна! Какой ужас! Какой позор! Как ты могла? – закудаhtала та.

«Неужели за меня никто не вступится?» – подумала Таня с ужасом, но тут словно сквозь туман услышала голос физрука Приходькина:

– Не дам я ее обыскивать! Она все время была со мной! И как бы она смогла вырубить этого бегемота? – пробасил он, кивая на лежащую на полу смотрительницу, которая вновь начала поднимать голову.

– А-а-а... Сам бегемот... Умираю... – простонала та, осторожно, чтобы не ушибить затылок, падая в новый обморок.

Протиснувшись сквозь толпу, к Тане подошел низенький уверенный человек.

– Подполковник Чучундриков. Служба безопасности, – представился он. – Идите за мной!

Таня убито поплелась следом, ощущая, как за ее спиной недружным стадом плетутся пораженные и одновременно восхищенные одноклассники. Еще бы – тихоня Гроттер и вдруг устроила такое!

Они повернули направо, еще раз направо и спустились по короткой лестнице вниз. Низенький человек подвел Таню к высокой пластиковой арке.

– Пройди через детектор! – велел он.

Таня, пожав плечами, шагнула сквозь арку. Она-то знала, что у нее ничего нет. Мгновение – и детектор буквально затрясся от звона. Брови у низенького человечка хищно приподнялись.

– Выложи ключи и все металлические предметы, – велел он.

Таня испуганно выложила ключи и вновь шагнула в арку. Детектор снова затрясся.

– Ну все, Гроттер, конец тебе! Небо в клеточку, друзья в полосочку! Будет кому посылать в посылках яблочные огрызки и тубики от зубной пасты! – крикнула Мумрикова.

– Помолчи! – велел ей Приходькин. – Эта штука скорее всего неисправна... Вот я сейчас пройду... Надо же, молчит! Что за гадство! Неужели она могла... нет, не верю!

– Так... сейчас узнаем... Подойди сюда! Да не ко мне! К этому экрану! – Низенький человек подтащил Таню к невысокой ширме, а сам встал к монитору. Девочка услышала, как он бормочет:

– Хм... меча как будто нет... Ничего нет... Но почему тогда звонит?... Глупость какая-то... Ну да не проглотила же она этот меч...

– Можно выходить? – спросила Таня.

– Выходи, – разрешил подполковник Чучундриков. Сняв трубку внутреннего телефона, он крикнул в нее:

– Перемотали пленку? Ну кто там? Девчонка?... Ему что-то ответили.

– Вы уверены? Абсолютно?

Продолжая держать трубку в руке, низенький человек мрачно посмотрел на Таню, потом на учительницу.

Тане почудилось, что ее сердце упало с большой, очень большой высоты. И разбилось вдребезги. Взмокла спина, взмокли ладони. Подполковник упорно молчал. Девочка зажмурилась и, уже стоя с зажмуренными глазами, услышала слова:

– Значит, так. Ваша ученица здесь ни при чем. Можете ее забрать. В момент похищения камера слежения ее не зафиксировала.

Лена Мумрикова даже взвизгнула от разочарования.

– Ну вот видите! А что было на пленке? – воскликнул Приходькин, которому крошечный подполковник едва доставал носом до пуговицы на животе.

– Не ваше дело, – ответил тот.

– Как не мое? Ученица-то моя! – рассердился Приходькин.

– Я не имею права ничего разглашать. Расследование не закончено. Попрошу очистить музей!

Однако, когда минутой позже они выходили из зала, Тане, слегка задержавшейся, потому что ноги у нее были словно ватные, почудилось, что он вполголоса сказал своему помощнику:

– Или ты мне объяснишь, что было на пленке, или я тебе не завидую. И себе не завидую.

Глава 3

ЗАГАДОЧНЫЙ КОНТРАБАС И КРОЛИК СЮСЮКАЛКА

– Доешь позавчерашнюю лапшу. Она слегка слиплась, но ты можешь ее разогреть. Только не вздумай при этом поджечь квартиру – с тебя станется, – хмуро сказала тетя Нинель.

– Спасибочки! – насмешливо выпалила Таня. – А почему, интересно, Пипа ее не ест? Бойтся, что лапша обмотается у нее вокруг зубов? Или полезет из ушей? С ее прической это было бы довольно миленько.

– Помалкивай! А то без завтрака останешься! – рявкнула тетя Нинель.

Сообразив, что даже позавчерашняя лапша лучше, чем ничего, Таня схватила вилку.

После той истории в музее прошло три с половиной дня. Первый день вообще был кошмаром, потому что, когда Таня вернулась домой, там уже обо всем знали. Оказалось, что Ирина Владимировна и Ленка Мумрикова позвонили почти одновременно и, тараторя, наперебой сообщили каждая свою версию. Что это были за версии, Таня точно не знала, но Дурневы страшно взбесились. Похоже, они решили, что меч украла именно она, а даже если и не она, то произошло это не без ее участия.

– Говорил я, что ты кончишь тюрьмой! – топая ногами, заорал дядя Герман. Потом он схватился за бок и рухнул на стул. – У меня разрывается сердце! Когда я узнал об этом, то съел девять шариков гомеопатии вместо семи! – взвизгнул он. – Если я теперь умру, это будет на твоей совести! Какое пятно на моей депутатской карьере!

– Герман! Сердце не там! – прошептала тетя Нинель.

Пипа просунула голову на кухню.

– Она все специально подстроила! Ошпарила меня, а сама на экскурсию... – пискнула она.

Для насмерть обваренной чаем она выглядела совсем неплохо, разве что покрылась большими, с полкулака, прыщами. Но это оттого, что сожрала слишком много сладкого...

– Закрой рот! – не выдержав, прикрикнула на Пипу Таня. Ее нервы были на пределе, слишком много она сегодня пережила. Ей чудилось, что внутри ее натянута тонкая струна, которая вот-вот порвется.

– Как ты разговариваешь с сестрой? А ты, Пипа, иди! А то еще нахватаешься от этой уголовницы! – поджимая губы, сказала тетя Нинель.

– Блох! Пусть катится к своему папаше! – быстро добавила Пипа.

Таня вскочила. Внезапно дверца холодильника, рядом с которым стояла Пипа, распахнулась и двинула ее по носу, да так стремительно, что та и увернуться не успела. Дочка дяди Германа заверещала и схватилась на нос, мгновенно распухший до размеров большой сливы. Таня удивленно уставилась на свои руки. Как странно! Она ведь только подумала об этом, как тотчас дверца открылась сама. Невероятно!

Тетя Нинель и дядя Герман пристально уставились на Таню, но она стояла слишком далеко от дверцы, чтобы ее можно было в чем-то обвинить. Пипа, отвратительно голося, каталась по полу.

– У меня сломан нос! Вызывайте «Скорую»! Мне нужно срочно пластическую операцию! – вопила она, паникуя.

Тетя Нинель силой убрала ладони, которыми дочь загораживала лицо, и осмотрела ей нос.

– Спокойно! Кости целы, а вот примочка тебе точно нужна... А ты, дрянь, живо марш к себе на лоджию и не показывайся мне на глаза!

Таня отправилась на лоджию и там, на широком подоконнике, закутавшись в одеяло, стала решать примеры по математике. Все произошедшее сегодня казалось ей абсолютно нереальным. Именно поэтому Таня решила сейчас об этом не думать, а, насколько возможно, отложить мысли на потом.

Через некоторое время в комнату вошла Пипа и, показав ей через стекло язык, уселась за свой стол. Таня с сожалением убедилась, что нос у нее уцелел. Она отделалась одной нашлапкой лейкопластыря.

– Поздравляю! Пластырь тебе очень идет. Ты стала симпатичнее ровно на три прыща, которые он закрывает! – громко сказала Таня.

Пипа сделала вид, что ничего не услышала. Прикидываться глухонемой было вполне в ее привычках. К тому же что ни говори, а в комнате-то была она, а Таня-то на лоджии!

Не обращая на Таню внимания, Пипа сняла с шеи шнурок с ключом, открыла ящик и, достав снимок, уставилась на него растроганными глазами. Прислушавшись, Таня различила, как дочка дяди Германа бормочет:

– О! Если бы ты знал, как мне сложно выносить эту дуру! Жаль, что ее до четырнадцати лет не могут взять ни в одну колонию. Представляешь, что она учудила в музее... Обварила меня крутым кипятком, а сама...

«Тьфу ты! Рассказывает портрету обо мне! Видать, удар дверцей оказался слишком сильным для наших и без того прихрамывающих мозгов», – подумала Таня и стала решать примеры.

Минут через пять Пипа перестала сюсюкать и, прижав портрет к груди, громко воскликнула:

– О Гэ Пэ! О дорогой Гэ Пэ!

Таня даже ручку уронила. Это был первый случай, когда при ней Пипа назвала имя таинственного красавчика, изображенного на портрете. Кто такой Гэ Пэ? Среди ее знакомых и одноклассников никого с такими инициалами определенно не было. Был, правда, Генка Бульонов, но он был Гэ Бэ, а не Гэ Пэ. К тому же влюбиться в Бульонова... Такого нельзя было ожидать даже от Пипы. Значит, надо было искать кого-то другого.

«Что за Гэ Пэ? Гога Пупсиков? Гуня Перец?» – стала гадать Таня, но тотчас спохватилась, что у нее есть дела поважнее, чем думать о такой ерунде. Что ей за дело до какого-то Гриши Пончикова, в которого влюблена бестолковая дочка самого доброго депутата? Мало ли за последние дни было странных событий, которым нет объяснения? Сон Дурнева... Дверца холодильника... Прилипший лист... Русская борзая... Исчезнувший золотой меч...

Чем дольше Таня размышляла обо всем об этом, тем сильнее затягивался узел вопросов. Ну хорошо, лист принесло ветром, а к стеклу он приклеился, потому что был мокрым. Дверца холодильника могла открыться сама, или, скажем, дядя Герман задел ее локтем, когда в ужасе хватался за сердце, прикидывая, симулировать ли ему инфаркт. Борзая... хм... борзая... Ну, скажем, она увязалась за автобусом, потому что потерялась, а Таня была похожа на ее хозяйку. Мало ли что взбредет в голову собаке? Ну а как тогда быть с мечом? Почему он исчез спустя несколько минут после того, как девочка на него смотрела, и что означали слова начальника охраны: «Или ты мне объяснишь, что было на пленке, или я тебе не завидую».

Что зафиксировалось на пленке? Не то ли это отвратительное чудовище, которое привиделось во сне дяде Герману? Почему-то каждый раз, как Таня думала о старухе, голова у нее начинала жутко кружиться.

* * *

Днем в четверг Таня вернулась из школы раньше обычного. Старшеклассники, переносившие новое фортепиано, нечаянно опустили его на ногу суетившейся учительнице по музыке. Музыку отменили, и весь их класс отпустили сразу после третьего урока.

Открыв ключом дверь, Таня поняла вдруг, что она совершенно одна.

Дядя Герман заседал в своем комитете, где обсуждался крайне важный вопрос о выдаче всем пенсионерам старше ста лет по паре уцененных горных лыж (дядя Герман как раз приобрел партию, которую некуда было девать), тетя Нинель на машине уехала в супермаркет, а Пипа вместе с Ленкой Мумриковой и полудюжиной других своих рыб-прилипал отправилась в «Русское бистро». Таня знала, что Пипа, как обычно, станет покупать всем мороженое и блины с шоколадом, а прилипалы за это будут подобострастно смотреть ей в рот и смеяться каждой ее шутке.

После того случая в музее многие одноклассники вообще перестали замечать Таню или шептались за ее спиной, один только Генка Бульонов непрерывно таращился на нее на всех уроках, а на переменах постоянно маячил перед глазами, издавая кошмарные звуки – не то зевки, не то вздохи. Похоже было, что бедолага, что называется, втрескался по самые уши. Во всяком случае, так Таня считала до поры до времени. Однажды, когда рядом никого больше не было, Бульонов подошел к ней сбоку и, кашлянув, застенчиво окликнул:

– Гроттер!

– Чего тебе, Бульон?

Генка пугливо оглянулся, а затем таинственно прошептал ей на ухо:

– Давай ограбим банк! Я давно об этом мечтаю!

– Чего? – Не веря своим ушам, Таня уставилась на Бульона. Так вот, оказывается, какие планы вынашивал этот молчаливый тюфяк, который даже мяча на физкультуре не мог кинуть, чтобы, отскочив от чего-нибудь, тот не огрел бы его по лбу.

Бульон нетерпеливо ждал ответа.

– Ограбим, ограбим! Ты, главное, не нервничай. Супик хорошо кушай. Сил набирайся, – успокоила его Таня.

Генка нервно сглотнул, продолжая подобострастно пожирать ее глазами. Вид у него был как у голодной дворняжки, которая ждет, когда ей бросят котлету.

– А что мне делать? – спросил он.

– Ушами хлопать! Шапка с прорезями для глаз у тебя есть?

Бульон замотал головой.

– Нет шапки?.. – напирала Таня. – Плохо! И пистолета нет?

– И-э-а-э... Настоящего нету.

– С чем же ты грабить банк собрался, чайник? Брысь отсюда, Бульон. Вот когда обзаведешься – тогда придешь!

Вспоминая сейчас, какая глупая физиономия была у Бульонова, Таня прыснула и быстро скинула куртку. Кто знает, сколько времени она пробудет одна, без Дурневых. Нельзя терять ни минуты, если она хочет пополнить запасы.

Она вытащила из холодильника пару йогуртов, отпилила ножом приличный кусок колбасы и сунула себе в карман апельсин. Интересно, заметит тетя Нинель? Вряд ли. Холодильник у нее и так трещит от продуктов по швам, а она и сегодня тоже привезет полмашины. Кроме продуктов, тетя Нинель еще наверняка купит две дюжины журналов по фитнесу и аэробике, а также какую-нибудь толстую книгу вроде «Как сбросить сорок килограммов за десять дней». Сколько Таня себя помнила, тетя Нинель всю жизнь мечтала похудеть, но худел почему-то только дядя Герман. Тете же Нинели ничего не помогало, хотя дважды в неделю она и устраивала себе полчасовые голодания.

Полтора Километра с ненавистью ворчала на Таню из-под стола. Если бы она смогла, то обязательно бы на нее наябедничала. Не удержавшись, девочка топнула на нее ногой и крикнула: «У-у!» От возмущения старая перечница едва не подавилась своим лаем, а отлаявшись, пошла к миске лакать воду.

– Пей и не булькай, а то хвост отвалится! – посоветовал а ей Таня.

Уничтожив на кухне все следы своего пребывания, она, жуя на ходу кусок красной рыбы, отправилась в комнату Пипы, от пола и до потолка забитую мягкими игрушками. Одних только львов у Пипы было семь штук, не считая медведей, кошек, гномов и жирафов. Мягкие игрушки ей дарили многочисленные деловые партнеры дяди Германа, у которых не хватало фантазии подарить что-либо более стоящее. Знали бы они, что Пипа пинает их игрушки ногами, давит велосипедом, а изредка даже потрошит перочинным ножом. Казалось бы, при таком отношении она могла бы подарить что-нибудь Тане, но Пипе такое даже в голову не могло прийти.

Осторожно переступая через разбросанные на полу фотоальбомы (пятьдесят прыщавых физиономий Пипы в каждом) и диски с играми для компьютера, Таня пробралась к себе на лоджию. Она отлично знала, что, стоит ей хоть на сантиметр сдвинуть какой-нибудь диск или перелистнуть страницу одного из Пипиных журналов, та устроит жуткую истерику и, катаясь по полу, будет орать, что Таня рылась в ее вещах. А уж глаз у Пипы наметанный – каждый вечер она проводила по часу, измеряя ниткой расстояние от одной игрушки до другой или приклеивая к ящикам стола секретные волоски.

На лоджии Таня открыла дверцу деревянного шкафа и вытащила футляр от контрабаса. Девочке всегда нравился этот момент: футляр выдвигался с негромким поскрипыванием, будто добродушно ворчал, приветствуя ее.

– Привет, старый скрипун! – сказала ему Таня.

Он был очень приятным на ощупь – теплым, кожистым, шероховатым. Даже зимой он никогда не был холодным, и Таня всегда грела об него руки. Раньше, когда Пипа смертельно ее оскорбляла или тетя Нинель походя давала затрещину, Таня забивалась внутрь футляра, сворачивалась там и лежала, глотая слезы. А футляр оберегал ее. Или ей только казалось, что оберегает. Когда Тане было пять лет, тетя Нинель попыталась выволочь ее из футляра, чтобы наказать за случайно разбитую чашку. Неожиданно крышка вдруг ни с того ни с сего захлопнулась и так прищемила ей руку, что тетя Нинель две недели носила ее на перевязи. Да и футляр она так и не решилась выбросить, хотя сотни раз грозилась.

Таня отщелкнула маленький старинный замок и, приподняв крышку, сунула в футляр руку. Ее пальцы привычно скользнули за обшивку, в тот небольшой и единственный тайник, где она прятала свой дневник – не школьный, доступный всем учителям и всюду сующему нос дяде Герману, а личный, которому она доверяла все тайны и беды.

Внезапно девочка вскрикнула и отдернула руку. Вместо дневника ее ладонь наткнулась на что-то липкое и тягучее. Таня с трудом узнала в этой гадости свою тетрадь, выглядевшую так, будто кто-то изжевал ее. Точно так же испорчена была и вся атласная подкладка контрабаса. Распахнув другую половинку шкафа, Таня увидела, что все ее немногочисленные вещи выглядят ничуть не лучше – скользкие и обслюнявленные, они не висели, а буквально стекали с вешалок.

Желудок у Тани сжался. Боясь, что ее вырвет, она захлопнула шкаф. В первое мгновение она решила, что эту гадость ей сделала Пипа, но даже прыщавая дочка дяди Германа, при всей своей ненависти к ней, не стала бы изжевывать ее вещи. Максимум она изрезала бы их бритвой, выжала бы в карман полтюбика зубной пасты или измазала бы одежду кетчупом. На большее ее изобретательности ни за что бы не хватило. Скорее ее скорбные извилины завязались бы морским узлом.

– Кто это сделал? Кто? – простила Таня.

Глаза у нее зашипало. В горле встал ком. Это был ее любимый дневник, которому она поверяла самые сокровенные свои секреты, единственная, не считая футляра от контрабаса, вещь, принадлежащая лично ей!

– Если я найду того, кто это сделал, – я ему врежу! – в ярости крикнула Таня.

Внезапно на шкафу кто-то противно захихикал. Звук при этом был такой, будто кто-то скреб одним листом наждачной бумаги по другому. Девочка вскинула голову, и тотчас на

лоб ей свалился мерзкий вонючий бумажный ком, в котором она смутно угадала последние страницы своего дневника.

– Х-хо! Она мне врежет, х-хо! Врежь мне, врежь, х-хо! Никто еще никогда не врезал Агуху!

На плечо Тане прыгнуло небольшое противное существо с жирным телом, покрытым жесткими сальными волосами. У него была крошечная голова с морщинистым лбом, короткие кривые ноги с цепкими пальцами, длинный, голый, розоватый, как у крысы, хвост и длинные, гнущиеся во все стороны, лишенные локтей руки. Когда существо, мерзко хихикая, распахивало огромный рот, полный мелких зубов, то нижняя часть его головы оставалась на месте, верхняя же часть – с носом, лбом, вплоть до покрытой плесенью макушки, – откидывалась назад, как на шарнире. На макушке у существа были отвратительные желтоватые рожки: правый рос прямо, а левый, маленький и неразвитый, загибался чуть вперед и вбок.

Вцепившись в Танино плечо, оно с силой оттолкнулось от него и, вдребезги разбив головой окно, метнулось в комнату Пипы. Оставляя на паркете скользкие и грязные следы, существо вскарабкалось на письменный стол дурневской дочки и в мгновение ока обмусолило всю гору журналов и учебников, попутно откусив голову у дорогой коллекционной куклы.

– Плох-хо тебе будет, плох-хо! – прошипело оно, нагло глядя на Таню гноящимися глазами, – Лучше сама отдай, что прячешь, или умрешь-шь в страшных судорогах! Станешь мертвей Мертвого Грифа!

– Я не понимаю, что ты хочешь!

– Не желаешь отдать? Х-хо! – Мерзкий рот открылся, с треском, как сухой орех, раскусывая телефонную трубку. – Не хочешь-шь? Вот тебе!

– Что отдать? – чуть не плача от омерзения и ужаса, крикнула девочка.

– Врешь-шь, что не знаешь-шь! Все ты знаешь, Гроттер! – рассвирепел Агух.

Его тонкая рука потянулась к монитору компьютера Пипы, на котором та запускала все свои триста дисков с играми. Монитор был тонкий, жидкокристаллический – подарок тети Нинели за то, что Пипа ухитрилась получить годовую четверку по ботанике. Пипа представила это как свою величайшую заслугу, хотя на самом деле ботаничка ставила отметки, задавая вопрос: морская звезда – это растение или нет? Те, кто отвечал «нет», получали «пять», а все остальные – «четыре».

– Не надо! Не трогай монитор! – в ужасе крикнула Таня, представив, что устроит Пипа, если он разобьется.

– Боиш-шься? Так вот тебе! Х-хо! Пусть тебя за это повесят или четвертуют! Снимут кожу, сварят в раскаленном свинце! – мерзко захихикал уродец.

Схватив монитор за шнур, он подволок его к краю стола и столкнул вниз. Внутри монитора что-то негромко взорвалось.

– Х-хо! Агух тебя проучил! Так будет со всеми Гроттерами! Если бы ты знала, как Леопольд молил, чтобы хозяйка тебя не убивала! Жалкий трус-с!

Едва услышав имя своего отца, Таня пораженно отпрянула.

– Не правда, мой папа жив! – крикнула она.

– Трус-с! Трус-с! Трус-с! Он и его жена Софья, тупая курица, все боялись хозяйку!

Красная пелена гнева застлала Тане глаза. Она не выносила, когда кто-то так отзывался о ее родителях – особенно это мерзкое, скользкое существо с крысиным хвостом и хилыми рожками.

– А ну пошел отсюда, недомерок! – крикнула она и, схватив с подоконника горшок с кактусом, изо всей силы метнула его в отвратительное создание. Горшок попал ему точно в живот, сшибив его со стола, а в следующий миг колючки перекувырнувшегося кактуса впились ему прямо в мягкую физиономию.

Отвратительно заверещав, недомерок метнулся под кровать и, высунувшись оттуда, гневно закричал:

– Кошмарс бредунс экс! Я проклиная тебя! Никто не поступал так с Агухом! Ты сама не знаешь, какую беду на себя накликala! Запомни: не отдаш-шь – умреш-шь! Издохнеш-ш-шь в страш-шных муках! Так сказала сама хозяйка! – Погрозив Тане кулаком, рогатый субъект скользнул в коридор и исчез.

Таня схватила тряпку. Следы, которые оставило существо, не оттирались, а при попытке отчистить лишь еще глубже въедались в паркет и полировку.

Представляя, как поведут себя Дурневы, когда вернутся, Таня убито опустила на кровать Пипы. Та, разумеется, устроит скандал, если увидит ее здесь, да только... только она и так уже его устроит, едва заглянет в комнату. Терять нечего.

Щеки у Тани горели. Кто был этот мерзкий недомерок? Что он знал о ее родителях, а он что-то знал – это безусловно. О какой хозяйке он упоминал? Что искал в пустой квартире? Зачем изгрыз дневник? Одно можно было сказать точно – уродец явился не по своей воле. Он был послан кем-то, кто был настроен очень решительно, кем-то считавшим, что Таня может что-то прятать у себя в футляре. Причем то, что он искал, было в сто раз ценнее содержимого сейфа дяди Германа, антикварного фарфора тети Нинели и всего барахла Пипы, вместе взятого.

Несмотря на то, что все было крайне скверно и ничего хорошего ее не ожидало, Таня невольно улыбнулась и постучала согнутым пальцем по лбу.

– Би-би, крыша, би-би! – сказала она.

Что они все, с ума посходили? Да кто она, в конце концов, такая, что вокруг нее творится вся эта чертовщина? Разве есть у нее какое-то имущество, кроме того, что спрятано в футляре от контрабаса, и нескольких замызганных тряпок?

Правда, этот футляр явно очень старинный, разве что немного менее древний, чем тот золотой меч из музея, который исчез вскоре после того, как она с восхищением прикинула к стеклу, разглядывая на лезвии таинственные знаки. Особенно запомнился ей словно отпечаток птичьей лапки на мокром песке. Ей еще показалось, что она когда-то прежде видела нечто подобное... И даже не только видела, но и... дотрагивалась до него.

Едва Таня подумала об этом «дотрагивалась», как мигом перед глазами у нее встала небольшая тусклая пластина, которую она всегда сжимает двумя пальцами – большим и указательным – и после тянет на себя. Вспомнила! Это же застежка ее футляра!

Таня кинулась на лоджию и, опустившись на колени, повернула футляр от контрабаса к себе боком. Вот глубокие складки теплой кожи, а вот и застежка с точно таким же символом – три тонкие отставленные черты наверх и одна вниз.

А дальше – дальше Таня сама не знала, что ее заставило так поступить, – она осторожно обвела мизинцем все четыре черточки и, поместив палец в небольшое углубление в самом центре, повернула его ровно на пол-оборота. Она выждала минуту, две... Ничего не произошло. Тот же тусклый осенний день, те же крыши соседних домов. Ощувив жуткое разочарование, Таня проделала эти манипуляции еще раз – только теперь, обводя контуры птичьего следа, она начинала с центрального когтя... Снова ничего... А что, если вначале притронуться к углублению, а потом уже обвести пальцем все четыре черточки следа?... Нет, бесполезно.

С каждой минутой Таней все сильнее овладевало уныние. И с чего она решила, что должно произойти нечто необычное? Ну пластинка и пластинка. Надо меньше воображать и знать свое место. И вообще пора подумать о том, что она скажет дяде Герману и тете Нинели, когда они обнаружат в квартире разгром.

– А ну тебя! Не хочешь, и не надо! – воскликнула Таня и, с досадой захлопнув крышку футляра, щелкнула по замку ногтем.

Не успела она ощутить легкую боль в ногте и даже едва услышала сам звук щелчка, как что-то неуловимое пронеслось в воздухе. Больше всего это напоминало золотой вихрь, внезапно ворвавшийся в открытую форточку лоджии. Неумный и стремительный, вихрь шаловливо сорвал с места все бумажки, опрокинул цветочный горшок, растрепал тетради, а затем, опустившись прямо в центр футляра, принял форму старинного контрабаса с четырьмя толстыми струнами – золотой, серебряной, медной и железной. Футляр подходил инструменту настолько идеально, что не оставалось никаких сомнений – это был его футляр.

Рядом с контрабасом лежал небольшой смычок, который был почти в два раза короче, чем он сам.

Сердце у Тани забилося вчетверо быстрее. Не решаясь прикоснуться к инструменту, она дико уставилась на него. Потом, набравшись смелости, Таня осторожно протянула руку, чтобы взять смычок, но тот, не дожидаясь, сам прыгнул к ней в ладонь. Между смычком и его струной была зажата небольшая берестяная грамота. Развернув ее, Таня с трудом разобрала старинные с завитушками буквы:

Магический контрабас Феофила Гроттера **ПАМЯТКА ПОЛЬЗОВАТЕЛЮ**

+++

Данный магический контрабас создан знаменитым волшебником Феофилом Гроттером в середине XVII века и использовался им как для полетов на Лысую гору, так и для тонкой магии. В качестве материала использованы палубные доски Ноева Ковчега, а внутри полого грифа помещена Вербка Семнадцати висельников, обрывавшаяся всякий раз, когда должны были казнить невиновного.

Контрабас позволяет совершать практически все магические действия, связанные с превращением, телепатией, левитацией, телекинезом, заклятием, изгнанием нежити и снятием порчи. Однако главное его назначение – скоростной полет.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

+++

1. Не садитесь на контрабас, пока не освоите всех его магических функций и не выучите полетные заклинания по стодвенадцатитомнику Белой магии под редакцией Каина Жабмана и Иегуды Мухоморенко (издательство «Баинья», Вавилон, 7000 г. до н.э.).

2. При ремонте контрабаса ни в коем случае не используйте запчастей от пикирующих пылесосов, швабр с вертикальным взлетом, зубодробильных вертолетов, исчезающих ступ и соковыжималок-вампиров.

3. В случае перевозки контрабаса на драконах необходимо принять все меры противопожарной безопасности: в частности, перевозить инструмент строго в несгораемом футляре, защищенном не менее чем дюжиной огнетушительных заклинаний. На самого же дракона на время перевозки следует надеть пламягасительный намордник.

4. Не потеряйте смычок! Без него вы утратите возможность управлять контрабасом.

5. Не допускайте перетяжки или обрыва струн – это может привести к непредсказуемым последствиям.

6. Напоминаем вам, что данный контрабас является инструментом исключительно Белой магии! В случае использования его для целей и нужд Черной магии инструмент может утратить волшебные силы.

7. Не деритесь контрабасом, не колотите смычком нежить, избегайте столкновений с твердыми предметами! Нарушение данных правил может привести к трещинам в инструменте и высвобождению мощного проклятия, содержащегося в Вербке Семнадцати висельников.

8. При полетах соблюдайте особую осторожность. Не разгоняйтесь выше скорости звука! Не поднимайтесь на высоту свыше десяти тысяч метров. Это может привести к обледенению струн и падению инструмента, как это произошло с волшебником Ликургом Запунным и его летающей гитарой.

9. Оставляя контрабас в подозрительных местах, особенно в местах массового обитания нежити (заброшенные кладбища, болота, буреломы, пустыни), не забудьте защитить его противоугонным заклинанием.

Данная инструкция отпечатана в типографии «Кощей Бессмертный». Адрес: Лысая гора, проспект Утопленника, могила 7. Для входа дернуть за хвост дохлой кошки».

+++

Таня выронила бересту. В глазах сумасшедшим вальсом закружились рыжие и красные пятна – не то листья, не то перья, не то язвительные физиономии нежити. Боясь упасть, она схватилась рукой за шкаф, ответивший ей неприветливым скрипом. Она была ошеломлена, напугана, восхищена в одно и то же время.

Теперь она абсолютно уверилась в том, что где-то рядом, отделенный от нее лишь тонкой стеной, существует другой мир – мир, полный загадок и тайн, мир волшебства. И она, Таня Гроттер, круглая сирота, каким-то образом сопричастна этому миру. Струны магического контрабаса утешающе загудели.

«Ой, мама! Кто-то из моих предков был волшебником, сделавшим этот инструмент! И я, значит, тоже... Нет, не может быть», – подумала Таня.

У нее перехватило дыхание, из глаз покатались слезы. Глотая их, Таня гладила ладонью гулкий бок контрабаса. Она едва могла поверить, что он на самом деле существует, и опасалась, что он сейчас возьмет и исчезнет, как исчезали всегда подарки, снившиеся ей в новогоднюю ночь. Дурневы никогда не дарили ей ничего, разве что дядя Герман однажды презентовал ей полкило каменных ирисок, пахнувших рыбой, а Пипа добавила от себя старый веник, которым, впрочем, очень скоро сама же капитально получила по носу. Ну и визгу же тогда было! Таню на целый день заперли в ванной с выключенным светом.

Но теперь Тане было не до того, чтобы вспоминать старые обиды.

Неужели среди ее предков были волшебники! Ведь до сих пор не проходило и дня, чтобы Дурневы не называли ее дочерью уголовника! Выходит, все это была ложь до последнего слова! Не успела Таня все это осмыслить, как внезапно рядом послышался ломкий, писклявый от злости голос:

– А-а! Вот ты где, дрянь! И что все это значит?!

Таня испуганно повернулась. На миг ей показалось, что она сейчас увидит того самого коротконогого карлика, который все испортил. Но это оказался не карлик, а нечто гораздо хуже...

* * *

В дверях, бледно-синий от ярости, напоминающий только что вылезшего из могилы вурдалака, стоял дядя Герман. Таня пропустила момент, когда он вошел в комнату. Если бы сейчас дядю Германа увидели его избиратели, то точно не предположили бы, что эта перекошенная от злости физиономия принадлежит самому доброму депутату, другу детей и инвалидов, бескорыстному жертвователю старых носков и всего лишь на годик просроченных консервов.

– Кто устроил этот погром? Я спрашиваю! – сипел дядя Герман. – Что происходило у нас в квартире? Спрашиваю я! Или ты, мерзкая девчонка, расскажешь все сама, или я не знаю, что я не спрашиваю... То есть, что я сделаю! Считаю до пяти...

– Я не знаю. Тут был какой-то липкий карлик... Кстати, его звали Агух, если вам интересно, – испуганно воскликнула Таня. Она никогда прежде не видела дядю Германа в таком

взбешенном состоянии. У него почти что пар валил из ушей. Тане даже казалось, что она слышит малоприятный запах расплавленной ушной серы.

– Два... – ледяным голосом сказал Дурнев, по склочности характера пропуская «один».

– Правда, я не обманываю... Я вернулась из школы, а этот карлик... То есть, я хочу сказать, этот уродец...

– Три... Не смей мне врать! Откуда ты взяла эту огромную гитару или что это за безобразие такое? У кого ты ее украла?

– Это не гитара, это...

– Я не собираюсь терпеть эти выходки! Даже моему ангельскому терпению пришел конец! Завтра же ты окажешься в детском доме, а то и в детской колонии... Четыре...

Таня прижала к себе контрабас. Она была в ужасе, но, даже несмотря на ужас, почему-то глупо хихикнула. Ей вдруг подумалось, как было бы забавно, если бы дядя Герман сказал: «Четыре на веревочке... Четыре на ниточке». Эта улыбка совершенно вывела Дурнева из себя.

– АХ ТАК! Пять! – заорал дядя Герман и шагнул вперед.

Прежде чем Таня успела сообразить, что он собирается делать, оплеуха обожгла ее щеку. Таня закричала не столько от боли, сколько от унижения. Прежде дядя Герман никогда не бил ее, только шипел, оскорблял и запирали в ванную или на лоджии. В душу ей словно вылили вонючую болтушку.

А дядя Герман, вконец взбесившийся, уже заносил руку для нового удара. Увертываясь от него, Таня загородилась контрабасом. Дурневская оплеуха пришлась по инструменту. Видимо, магический контрабас не привык к такому обращению. Струны возмущенно загудели, низко, словно предупреждали дядю Германа не делать глупостей. Не обращая на это внимания, Дурнев с яростью схватился за гриф и стал вырывать контрабас у Тани.

– А ну живо отдай его! Кому говорю! Сдам его в милицию – пускай выясняют, у кого ты его утащила, воровка! Где телефон? А, ты и телефон сломала!!

Таня вцепилась в контрабас что было сил и не отпускала, хотя дядя Герман был намного сильнее и мотал ее вместе с инструментом из стороны в сторону, ударяя спиной о раму лоджии и о шкаф.

Случайно рука девочки оказалась на одном из колков, регулирующих натяжку струн. В этот момент Дурнев резко дернул на себя, и Таня повернула колок. Натянутая струна загудела низко и басовито. На миг Тане почудилось, что она оглохла. Стекла в рамах угрожающе задрожали. Потеряв равновесие, Таня упала вместе с инструментом на спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.